

Геннадий Ильин

18+

Летописцы летающей братвы

Книга третья

Геннадий Ильин

**Летописцы летающей
братвы. Книга третья**

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Ильин Г. Ф.

Летописцы летающей братвы. Книга третья / Г. Ф. Ильин —
«ЛитРес: Самиздат», 2014

ISBN 978-5-5321-2462-2

Третья книга трилогии "Любовь и небо". Судьба распорядилась служить во многих регионах и странах с разными людьми, делить с ними победы и поражения, умирять бунты и восстания, голодать и спать под одной шинелью, до хрипоты отстаивать свою честь и достоинство, рисковать, быть на грани жизни и смерти, но всегда в критические моменты появлялось верное плечо незнакомого друга, спасающего от беды. Мне удивительно повезло служить с авиаторами, чистыми душой и открытыми сердцами. И это понятно – авиация других не терпит. Не все имена моих героев подлинны, кто ещё остался в живых, узнают себя по косвенным приметам.

ISBN 978-5-5321-2462-2

© Ильин Г. Ф., 2014
© ЛитРес: Самиздат, 2014

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	24
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Глава первая

Дверь пилотской кабины открылась, из неё показался бортовой техник и поманил меня пальцем. Перекрывая шум двигателей, он прокричал в самое ухо:

– Забирайте из своей лайбы, что нужно, и переходите в гермоотсек. Диспетчер выдал эшелон на семи тысячах метрах. Если есть газированные напитки – прихватите с собой, иначе могут взорваться.

Я молча кивнул, взял с сиденья пакет с тормозками, – приготовленными в дорогу Ладой бутербродами, – и последовал за техником.

В пассажирском салоне никого не было, – редкий случай для летательных аппаратов, следующих на Запад. Парень задраил двери в грузовой отсек, и стало намного тише.

– Заскучаете – заходите, – великодушно разрешил бортач на доступ в кабину пилотов. И ушёл на рабочее место.

До Москвы было несколько часов лёту, и, чтобы скоротать время, я уткнулся в какой – то детектив. Однако мысли о предстоящих событиях отвлекали и тревожили. В принципе для меня всё складывалось удачно, программу минимум, которую я перед собой поставил, уходя с лётной работы, практически выполнил. Более того, – превзошёл, получив предписание работать в журнале «Авиация и космонавтика». Для офицеров, проходящих службу в Забайкальском военном округе, такая удача выпадает раз в сто лет. Я видел глаза своих друзей и приятелей на проводах: они светились откровенной завистью и надеждой, что судьба будет и к ним благосклонна и что в один прекрасный момент им предложат перевод, пусть не в столицу, но за Урал, в Европу, ближе к теплу.

Юра Кирсанов, опрокинув шкалик за мою гладкую дорогу, так и сказал:

– Я надолго не расстанусь. Ты же заметил, что шагаем с тобой в затылок друг другу. Ты был в Польше, и я там побывал. Ты – на Кавказ, и я не дурак. Ты – в Читу, и я – тут, как тут. Так что по логике вещей следующая наша встреча будет в Москве. Я нюхом чую...

Откуда у него была такая уверенность, непонятно, но, опережая события, скажу, что через три года он действительно пустил корни в штабе тыла ВВС в ведомстве Владлена Кайдина.

Но это случилось потом, а в настоящий момент я прикидывал, как вписаться в новый коллектив, чтобы меня, грубо говоря, не выперли. Отношение к «варягам», людям, пришедшим со стороны, у журналистов большой прессы было однозначно негативным. Даже если пришёл профи. А что прикажете делать мне, у которого за плечами, каких – то полтора года в армейской газете? Двадцать лет внештатного корреспондента сюда не пришьёшь: любитель, он е есть любитель, как бы талантливо не писал. Бывают, правда, самородки, но мне до них, как до Китая пешком. Я с ними даже рядом не стоял. Кроме того, должность, на которую я ехал, для меня была, как тёмный лес. Редактор отдела оформления цветного журнала. Вчерне я понимал, что это такое. Но кто мне даст возможность постажироваться, поднакопить опыта, набить себе руку? Не набьёшь руку – набьют морду. Это уж точно. А макетирование номера? Как оно происходит? Университетские знания на этот счёт оставляли желать лучшего. Короче, ситуация – не бей лежачего. Бросили человека, не умеющего плавать, в водоём. Выплывет – хорошо, утонет – ещё лучше, место освободится.

Так я себе рассуждал, пока ребята не позвали меня в пилотскую кабину расписать партию в преферанс. Видели, что умею, когда вместе летали в Тикси. Первая закончилась моим проигрышем. Сказывался опыт членов экипажа, приобретённый в длительных перелётах. Вторая пулька прервалась, когда самолёт сменил эшелон, вошёл в облака, и началась болтанка. Командир вернулся на рабочее место, а я – в пассажирский отсек, заглянул в иллюминатор и убедился, что мой «вазон» на месте. А куда он, к чёрту, денется?

В Омском аэропорту самолёт дозаправили топливом, я пообедал в ресторане, и мы полетели дальше. Всё шло по расписанию, и я уже мысленно прикидывал, как буду добираться до Москвы, когда за два часа до посадки командир передал, что по метеоусловиям Астафьево не принимает и будем садиться на военном аэродроме Энгельса. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

В Энгельсе, близ Саратова, погода тоже не радовала.

– Похоже, застряли надолго, – безрадостно прокомментировал ситуацию штурман. – Циклон надвигается с запада. Если в Астафьево развиднеется, отсюда не выпустят.

– Что посоветуешь, командир? Мне куковать с вами не резон.

– Да что тут советовать? Подожди до завтра, а там всё определится.

Мы переночевали в лётном домике, а утром пошёл дождь со снегом.

До обеда я тянул с решением. Не хотелось добираться до Москвы своим ходом, как – никак, а расстояние несколько сот километров предпочтительней преодолеть по воздуху, но терпение моё лопнуло, и я скомандовал выгнать автомобиль из самолёта на волю.

– Счастливо оставаться, ребята. Поеду. Время не ждёт.

До Тамбова и Липецка я добрался благополучно, а вот дальше началась такая воздушная круговерть, что и высказать трудно. Дождь и сырой липкий снег, словно сговорившись, нещадно хлестали в ветровое стекло, так, что дворники не справлялись с осадками. Наступила ночь, и видимость сократилась до двухсот метров. Я включил дальний свет, но лучше не стало. Дождевая завеса создавала экран, фары встречных машин почти пропали, и я вынужден был перейти на ближний. Столица отчаянно защищалась от моей атаки.

Мне бы остановиться, выбрать укромное местечко на обочине и переждать непогоду, но такой уж у меня дурацкий характер: решил заночевать в Рязани, значит там и буду.

Глубокой ночью, уставший до смерти от напряжения, я отыскал придорожный кемпинг, и, не раздеваясь, едва успев сбросить обувь, рухнул на кровать и забылся глубоким сном.

Ровно в восемь меня разбудили по моей просьбе. Я кинул взгляд в окно. Похоже, погода пошла на поправку. Дождь прекратился, облака поднялись и кое – где между ними проглядывалось умытое голубое небо. Похоже, Москва передумала и решила впустить к себе настырного пришельца.

Наскоро перекусив, я сел за руль автомобиля, отыскал бензозаправку, наполнил топливный бак под завязку и покинул Рязань. К трём часам дня я уже въезжал во двор Костиного дома.

– Ждём, ждём, – потряхивая мою руку, радушно улыбался Андреев, предупреждённый мной о моём появлении по телефону. – Даже не обедали. Проходи, раздевайся. Если хочешь, прими душ, и за стол. Валька, накрывай для дорогого гостя, неси, чем Бог послал.

Принаряженная Валентина засуетилась, выставила пол – литра водки, поставила рюмки, селёдочку, обсыпанную свежим лучком, капусту провансаль, отварную картошку и чёрный хлеб, нарезанный крупными кусками.

– Доехал, доехал – то как? – допытывалась она между делом. – Это ж надо – от самого Саратова! – качала она кудрявой головой с удивлением, как будто город находился за тридевять земель.

– Не лезь поперёк батьки в пекло, – оборвал её Костя. – Поест, сам обо всём расскажет.

– Ну, с прибытием! – поднял он до краёв наполненную рюмку, чокнулся, выпил и занюхал кусочком хлеба.

– За встречу! – поддержал я его, накладывая на тарелку немудрёный закус.

– Что ж, ребята, всё вышло так, как предсказал Костя. Предписание – в кармане, и завтра мне надлежит явиться в редакцию. Похоже, что теперь мы будем встречаться чаще.

– Ай, молодца, так молодца! – обрадовалась Валентина, придвигая ко мне хлеб. – А теперь всё по порядку...

И я рассказал им о последних событиях своей жизни.

– Что ж, – подытожил мою исповедь Константин, – я всегда подозревал, что ты настырный мальчик. Но учти, что проблем у тебя прибавится. Просто так Москва тебе не сдастся. У неё мощный инстинкт отторжения, и покорить её удаётся не каждому. Что касается нас с Валюхой, поможем в силу своей испорченности. На первых порах проживёшь у меня, места хватит. А там посмотрим...

По уже проторенному пути я благополучно добрался до редакции, и уже не спрашивая вахтёра, от турникета повернул направо. Здесь, на втором этаже и располагалась редакция журнала «Авиация и космонавтика». Перед входом в неё, на небольшой лестничной площадке, оборудованной под курилку, стояла короткая скамейка и урна для мусора. Над ней на серой стене висел красочный стенд с сочным заголовком «Звериное лицо империализма». На скамье, закинув ногу на ногу, сидела женщина лет тридцати и, элегантно, откинув мизинец в сторону, курила длинную дамскую сигарету. На моё «здрассте» она небрежно кивнула и молча проводила безразличным взглядом. Похоже, к посетителям здесь привыкли и относились, как к обязательному реквизиту. В коридоре никого не было, но из-за дверей доносились голоса, дробь пишущих машинок, работающих короткими и длинными очередями, и дразнящий запах свежесваренного кофе.

Кабинет Главного редактора находился в самом конце, и мой новый шеф оказался на месте. Когда я вошёл, полковник Миронов сидел за длинным широким столом и вычитывал чью – то рукопись.

– А, пропащий, – поднял он на меня седую голову. – Что ж так припозднился? Проходи, садись, рассказывай.

Поблагодарив за приглашение, я сел напротив, достал документы, и пока он читал предписание, мельком окинул кабинет нового начальника. В левом углу стоял застеклённый шкаф, на полках которого блестели хрусталём, серебром и золотом кубки, вазы, макеты летательных аппаратов и другие призы, очевидно награды за плодотворную работу коллектива. Справа, рядом с массивным сейфом, на журнальном столике глядел на меня серо – зелёным экраном современный телевизор, а ближе к выходу – небольшой стеллаж с плотными рядами книг, подшивок, папок и другой макулатуры.

На столе шефа, работая на авторитет хозяина, молча стояли четыре телефона, один из которых, красный, был без наборника. Наверное, прямая связь с Членом Военного Совета, догадался я. Что – то вроде ведомственной «вертушки».

По левую руку Миронова стояла настольная лампа, а сверху висела трёх рожковая люстра с матовыми плафонами.

Широкое и высокое, под потолок, окно, форточка которого была приоткрыта, выходило во двор института космической медицины.

– Во всём Забайкалье, Илья Александрович, не нашлось бы человека, который с таким нетерпением ждал перевода. Летел к вам на всех парусах.

– Так уж и на всех, – улыбнулся Миронов. – Семья осталась в Чите?

– Естественно. Пока не обзаведусь жильём.

– Ничем в этом плане обрадовать не могу. На получение квартир очередь длинная. Даже для управленцев Главного штаба ВВС. А пока езжай в административно – хозяйственный отдел, становись на довольствие и переговори с начальником – полковником Застрожновым. Человек он жёсткий, но к сотрудникам журнала относится с уважением. Или с его секретарём Суходольским Валерием Фёдоровичем. Кто-нибудь из них внесёт твою фамилию в список очередников. Адрес АХО возьмите, – перешёл вдруг Миронов на «вы», – у секретаря редакции полковника Обухова. Вопросы есть? Нет? Тогда в путь, – и уткнулся в рукопись.

– Ах, да, ещё один момент, – остановил он меня на пороге. – Завтра в десять состоится летучка по утверждению апрельского номера журнала. Там я и представлю вас всему офицерскому составу.

Обухова я нашёл в комнате напротив. Он сидел рядом с дверью за небольшим столом, заваленным бумагами, гранками и макетными страницами по самую маковку, и вычитывал чью – то рукопись. Я давно заметил, что журналистов в редакциях можно увидеть в трёх положениях: если не пишет и не читает, то курит. А если нет запрета, то с удовольствием совмещают эти процессы: под сигарету мыслится и шире, и чётче. Так утверждают курильщики со стажем.

Обухова я видел и раньше. Поэтому моему появлению он ничуть не удивился, будто после последней встречи прошло не полгода, а пару дней:

– Послушай, старик, где ты мотаешься? Думаешь, что у меня других дел нет, чтобы тянуть твою лямку?

Его одутловатое лицо с мешочками под зелёными глазами было серьёзно, но в мягком баритоне чувствовалось озорство:

– Шестой номер без тебя выпускаю, и думаешь, что кто – то сказал спасибо? Не дождёшься. В этой конторе все так и норовят, чтобы свалить свою работу на кого – то.

Я уловил затаённый смысл его высказывания и тоже на полном серьёзе произнёс:

– Вот неблагодарные! Просто негодяи, Владимир Иванович! Но ничего, как-нибудь эту несправедливость мы компенсируем, – намекнул я на возможность посидеть вдвоём за бутылочкой.

– Твоими бы устами – да мёд пить, – расцвёл в улыбке ответственный секретарь. – Ловлю на слове. Зачем пожаловал? И не говори, чтобы поздороваться. К Обухову с этим не идут.

Я выложил свои мысли о возникших проблемах.

– Бытовуха, – подытожил Обухов мой короткий монолог. – Ты что, впервые с этим сталкиваешься? Сколько гарнизонов за твоими плечами? Шесть? Значит, столько же раз и возникал квартирный вопрос. Мог бы и попривыкнуть. Да что там офицер – это болящая мозоль всего народа. И вот что удивительно, – загорелся речью полковник, – строим, строим, по статистике за десять лет всю страну можно расселить в новые квартиры, но на деле их катастрофически не хватает. А? Прорва какая – то, не иначе. Просто фантастика!

Владимир Иванович, словно в недоумении, развёл свои мощные руки в стороны:

– Давай, записывай адрес...

Административное здание хозяйственного отдела находилось неподалеку от Главного штаба ВВС, в одном из многочисленных дворов старой Москвы, и было похоже на особняк начала века. Приземистое, в два этажа, широкое и внушительное, уже своей архитектурой оно призывало посетителей к некому уважению и почтительности. У решетчатого забора старой вязки, отделяющей его от булыжной мостовой, стояло в ожидании хозяев несколько легковых автомобилей с военными номерами, автобус и два армейских вездехода. По опыту я знал: если машин – куча, значит, проводятся какие – то мероприятия и, следовательно, начальства на рабочих местах не будет. Но на этот раз ошибся.

Постовой за входной дверью, выложенный не хуже часовых у Мавзолея, тщательно проверил мои документы и назвал номер кабинета на первом этаже.

Секретарша, миловидная женщина лет тридцати, встретила меня виноватой улыбкой и вежливо сообщила, что Анатолий Сергеевич будет с минуту на минуту:

– Да вы присядьте, – радушно пригласила она, указывая на стоящие у стены кресла и диван, мельком взглянула на карманное зеркальце и поправила причёску. Если это для меня, то знак неплохой. Стало быть, я выгляжу привлекательно. Но скорее всего, жест чисто профессиональный, инстинктивный.

– Наверное, строгий у вас начальник, – предположил я вслух, чтобы не молчать, и, думая, что хорошо бы полюбить такую кобылку. По всему видно, губа у начальника АХО не дура. Впрочем, это естественно: всякий секретарь – визитная карточка фирмы.

– Да уж, – неопределённо пожала высокими плечами женщина. – Но и в обиду не даёт.

Самое бы время развить эту тему, но в приёмную вошёл высокий, щеголеватый, насколько позволяла форма, моложавый полковник. Он небрежно, но внимательно окинул меня цепким, оценивающим взглядом, прикидывая, как на базаре в конном ряду, подойдёт ли в его хозяйстве сидящий перед ним зрелый жеребец.

– Кто-нибудь звонил? – походя, спросил полковник секретаря бархатным и густым, как мёд, баритоном, направляясь в свой кабинет.

– Из ХОЗО Московского военного округа, Анатолий Сергеевич, – поднялась с места секретарша с папкой в руках и поспешила вслед за хозяином. Наверное, понесла бумаги на подпись.

Я невольно вслушивался в наступившую тишину, но из-за двойных дверей не доносилось ни звука. Интересно, какие такие секреты могут быть у хозяйственника, пусть даже и главного авиационного штаба? Но моим фантазиям не суждено было развиваться, потому что появилась длинноногая секретарша и пригласила к начальнику.

– Застрожнов, – представился он, приподнявшись навстречу. – О вашем прибытии мне сообщили, – сказал полковник, не уточняя, кто это сделал. – Что я могу сказать, – задумался он, – задача, конечно, не лёгкая, но постараюсь обеспечить вас жильём в ближайшее время.

Я явно оживился, потому что Застрожнов с иронией улыбнулся:

– Нет, совершенно не в плане, о котором вы подумали. Постоянную прописку в Москве вы получите года через два, не раньше, а пока ограничимся программой минимум: определим вас в офицерское общежитие где-нибудь неподалеку от работы, и уж потом будем отрабатывать варианты предоставления временного жилья и для семьи. Другого выхода не вижу, – будто оправдываясь передо мной, извинительным тоном закончил Застрожнов свой монолог. – Как вы на это смотрите?

Интересно кошки пляшут по четыре сразу вряд! Он ещё спрашивает, нет ли у меня претензий! Будто я что – то значу в Москве. Да я ещё и к выполнению должностных обязанностей не приступил, не то, чтобы завести какие – то связи, способствующие надавить на решение начальника АХО, но который почему – то предполагал об их существовании.

Опыт, приобретённый в боях с военными чиновниками, подсказывал мне, что у Застрожнова в заглавнике имеется прожиточный минимум дефицитных товаров, в том числе и квартир. Но это был неприкосновенный запас – «НЗ», без наличия которого руководителям такого ранга не удержаться в служебном кресле. Распоряжался им только Главком ВВС. Обо всём этом я знал, но даже не заикнулся: быть наивным в мои годы, если не смешно, то очень печально.

– А положительно смотрю! – весело ответил я. – Как учили в первом классе!

Застрожнов рассмеялся:

– Люблю оптимистов. Деловые вопросы с ними решаются проще. Скажу не для пространства, что уже заложен фундамент высотного здания, в котором вам предстоит поселиться. Надо только набраться терпения и ждать. Поживите в общежитии инженерной академии, пока я кумекаю, как соединить вас с семьёй.

От Застрожнова я уходил полный надежд и веры в светлое будущее. Как ни крути, а он прав, без жены и детей я чувствовал себя одиноко и дискомфортно.

Офицерское общежитие слушателей академии Жуковского и впрямь находилось почти рядом с редакцией. Комендант, располневший на пенсионных харчах майор – отставник, ознакомившись с направлением, небрежно повертел бумажкой в воздухе, словно хотел сказать, что она ему до фени, но смиловался и определил мне место в комнате на первом этаже с подселением.

– Такие, как вы, у нас долго не задерживаются. Или получают ведомственную жилплощадь, или снимают квартиры частные, – объяснил он своё решение. – Да мне – то что, живите, коль получено распоряжение.

Комендант отвёл меня в конец коридора, открыл угловую дверь и пропустил вперёд:

– Не скажу, чтобы обстановка располагала к роскоши, но всё необходимое для повседневной жизни есть. Даже душ в полуподвале работает по вечерам. Вот так.

Остаток рабочего дня ушёл на благоустройство. Я перегнал машину под окна общежития, перетащил из неё военную амуницию и разместил в единственный в комнате трёхстворчатый шкаф, поужинал в ближайшем ресторане и умиротворённый, улёгся на жёсткую солдатскую кровать. Уже засыпая, вспомнил о реплике коменданта на счёт ведомственных квартир. По наивности, навеянной детективами, я предполагал, что такие хоромы находятся в ведении силовых структур, внутренних органов и конспиративных квартир контор, занимающихся госбезопасностью. Но оказалось, что всякое мало-мальски уважающее себя структурное образование по роду своей работы вынуждено содержать на балансе одну, две, а то и несколько прекрасно оборудованных люксов в престижных районах города. «Надо прозондировать этот щекотливый вопрос, авось что-нибудь и выгорит», – была моей последней мыслью.

– Эскадрилья, подъём! – донеслась до меня жёсткая команда дневального по казарме из далёкого прошлого.

Повинуясь ей, я, по раз и навсегда приобретённому иммунитету, сбросил с себя одеяло и, не раскрывая глаз, потянулся рукой к табуретке, на которой с вечера была уложена курсантская роба. И только здесь сообразил, что всё это привиделось.

Часы показывали ровно шесть. Я замотал головой, сбрасывая остатки сна, встал, сделал несколько произвольных движений, имитируя зарядку, и умылся. Прежде всего, надо было привести обмундирование в порядок. Как ни крути, а людей встречают по одежке. Тем более – новых. Нынче у меня серьёзнейшая встреча с коллективом интеллектуалов, с которыми в дальнейшем предстоит долгая совместная работа до конца службы в армии. Покажусь ли, приглянусь ли щепетильному народу, ревниво оберегающему честь и достоинство редакции? Не прокатят ли по привычке на тачке непрошенного протеза, называемых в журналистских кругах «варягами»? Людьми, пришедшими ниоткуда по указанию сверху? Это – то меня больше всего и волновало, пока я наглаживал брюки и рубашку. С одной стороны – я свой в доску. Офицер с солидным стажем лётной работы, политработник, закалённый в битвах с косностью и невежеством, человек, изъездивший пол – России и принимавший участие в горячих точках, и вообще мужик покладистый и компанейский. Но им – то откуда это известно? Я – то понимаю, что свой, но для меня они чужие. И с их точки зрения я тоже чужак. Вот если бы коллектив был женский, внедрение было бы приятным и безболезненным. А здесь одно мужичьё. И каждый, конечно, считает себя корифеем. Но ничего, не дрейфь, старина. Ты ведь тоже не лыком шит.

От гостиницы до редакции пять минут хода. И пока я шёл, прокручивал в уме проект своего внедрения в новый коллектив. В том, что встретят меня сдержанно, я не сомневался. Если бы вакантную должность занимал человек, предложенный Политуправлению ВВС самим Главным редактором, никаких проблем бы не создавало. В абсолютном большинстве газет и журналов существовала именно такая практика. Но «варяг», насильственно внедрённый в коллектив власть имущими структурами, вызывал не только неприязнь, но и враждебность. Что – то вроде подсадной утки в местах заключения. Я это прекрасно понимал и готовился к длительной работе среди хищных и беспощадных аборигенов. Задача состояла не только в том, чтобы успешно внедриться и выжить, но и стать своим. Такие вещи легче всего проходят в группах, чья деятельность связана с элементами риска. У лётчиков и подводников, разведчиков и каскадёров, парашютистов и минёров. Да мало ли на земле профессий, чья работа выполняется на острие ножа. Там два – три эпизода определяют твою востребованность к особой сложности работе, которая мгновенно оценивается окружающими и создаёт имидж новичка. Не оплошал, проявил при выполнении первых заданий творческую смекалку, не сдрейфил при встрече с опасностью, – значит свой, подходящий мужик. С таким в разведку идти можно.

Другое дело, когда человек далёк от экстремальных ситуаций. Здесь для него – море возможностей для разного рода интриг, подсиживаний, подстав, гадостей и даже подлостей.

Удивительно, но нашего человека мёдом не корми, лишь бы выпала возможность насолить ближнему. И чем круче, тем приятней. Это особенно характерно для небольших коллективов. Звериный инстинкт самосохранения заставляет людей занимать круговую оборону и отторгать от себя всякое инородное тело.

Обо всём этом я думал, рассекая плотную толпу москвичей, неприветливых, хмурых, как зимнее утро, с озабоченными помятыми лицами, спешившими во – время успеть на своё рабочее место в гигантской машине производства. Я тоже спешил занять освободившуюся нишу в журнале «Авиация и космонавтика».

Рядом с проходной, под лестницей, ведущей в редакцию, почти незаметная для чужого глаза, поскольку сливалась с казённым фоном серых стен, находилась стандартная дверь. Никогда её не замечал, но на этот раз она открылась, и на пороге появился стройный, моложавый подполковник в авиационной форме, но без головного убора. Худошавый, седой и элегантный, он остро окинул меня взглядом и улыбнулся, как старому знакомому:

– Сто к одному – вы наш новый сотрудник! – уверенно сказал он приятным мягким баритоном, шагнув мне навстречу и протягивая руку. – Горьков, Вячеслав. Редактор отдела космонавтики, – представился он к моему великому изумлению.

– Вы что – экстрасенс?

– Боже сохрани! – отказался от моего предположения подполковник. – Просто профессия обязывает. Да и словесный портрет, созданный ребятами, вполне соответствует оригиналу. Мы о тебе давно наслышаны. Ничего, что на «ты»? Тогда будем друзьями, – предложил Горьков. – Пошли наверх.

В курилке, облокотившись на перила лестницы, встречая нас взглядом, стоял Юра Кисляков, как всегда подтянутый и чем – то озабоченный. Мы не виделись с ним несколько месяцев, но он совсем не изменился. Такой же красивый, интеллигентный и улыбчивый. Разве что кудрявой седины поприбавилось.

– Ну, здравствуй, старина! – сердечно приветствовал он меня, обнимая и прижимаясь к щеке. – Что я тебе говорил? Попадёшь рано или поздно в нашу мясорубку.

Худая высокая женщина, стоящая рядом с ним и курившая длинную дамскую сигарету, с явным любопытством изучала меня зелёными глазами, словно товар, выставленный на прилавке. Поймав мой взгляд, она кивнула и назвалась Наиной.

На шум вышел из своего кабинета Владимир Иванович:

– О, ты уже здесь, – одобрил он моё появление грудным мягким баритоном. – Оформился? Ну, молодец!

Сказал так, будто я совершил какой – то героический поступок.

– Пойдём, покажу твоё рабочее место

В трёх шагах от его кабинета, за раскрытой настежь дверью и находилась моя новая обитель. В большой комнате с широким окном стояло несколько шкафов и три стола, за одним из которых, тем, что стоял слева, сидела, склонившись над макетом, миловидная девушка с бледным лицом и большими серыми глазами. При нашем появлении она встала, смущённо улыбнулась, будто её застали врасплох, и назвалась Анной.

– Это твой технический редактор, – представил Обухов. – Или художественный, как тебе будет угодно. Красота, привлекательность и, соответственно, тираж нашего журнала во многом зависит от неё. Так что она не просто Аня, а Анна Михайловна Кузина.

От щедрой похвалы девушка зарделась и опустила голову.

– Раздевайся, через четверть часа летучка.

Я снял шинель, повесил её на напольную вешалку и поставил кейс к столу, стоящему у окна.

– Кроме того у тебя в подчинении есть фотокорреспондент Дмитрий Редькин. А вот и он, – показал Обухов на молодого человека, перешагнувшего порог. – К летучке готов?

– А к -к – куда я д – денусь, – сильно заикаясь, ответил вошедший, сбрасывая с плеча репортёрскую сумку и вешая на крючок зимнюю куртку. – Вы же м – меня из-под земли д – достанете. За с – слайдами заезжал, – закончил он явно трудную речь, искоса поглядывая на меня.

– Знакомься, твой новый начальник, – представил меня фотокору Владимир Иванович.

– Н – не с – слепой, вижу, – без всякого энтузиазма произнёс молодой человек и протянул руку. Рукопожатие было вялым и небрежным. Будто Редькин делал мне одолжение. А может быть так и надо? Мало их, что ли, начальников? Их много, а мы одни.

Не знаю, так ли думал товарищ Редькин, но его кислая мина, крупный, картошкой, нос и скептическая кривая улыбка мне не понравились. Похоже, та ещё штучка.

На планёрку пришли все офицеры. Плюс Анна Михайловна с черновым наброском макета апрельского номера журнала, плюс Редькин со слайдами на обложку и к материалам. И, конечно же, Любовь Степановна Виноградова, литсотрудник с большим стажем, про которую за глаза называли «недрёманным оком».

Миронов на правах руководителя первым делом представил меня всему личному составу и пожелал удачной адаптации.

За ним выступил заместитель Главного полковник Бессонов, ниже среднего роста офицер с высокой петушиной грудью и тонким, похожим на женский, голосом. Он коротко сделал аннотацию будущего номера.

– Все материалы готовы, – подытожил он, – за исключением от отдела боевой подготовки.

– В чём дело, Юрий Александрович? – строго спросил Главный Кислякова. – Снова неоправданные задержки. Когда, наконец, это кончится?

Покрасневший Кисляков поднялся:

– Илья Александрович, не могу же я собирать материал по телефону. Это несерьёзно. А мои просьбы о командировке в боевую часть под разными предложениями отклоняются. Причём здесь командировочные, если нужна живая фактура? Не хочу я серьёзную статью из пальца высасывать.

– Работать надо планоно. А у вас в отделе всё через пень – колоду! – вскипел Главный, не терпящий критики.

– Я о плане и говорю. Вы же сами его подписали.

– Подписал. Но план – не догма. Искусство руководителя в том и заключается, чтобы в создавшейся обстановке выбирать оптимальный вариант, – назидательно сказал Миронов, – и не подставлять коллектив.

– Ну конечно: стрелочник – он всегда виноват, – огрызнулся Кисляков, опускаясь на стул. – Завтра статью сдам. Только вычитать осталось.

Макет Анны Михайловны утвердили безоговорочно, но долго обсуждали слайды, предложенные Редькиным на обложку. И это понятно: обложка – визитная карточка номера. После долгой дискуссии остановились на одном из трёх предложенных. На снимке был запечатлён лётчик, после полёта вылетающий из кабины истребителя. С моей точки зрения – сюжет банальный, заезженный. Но я промолчал. Негоже на первых порах светиться в чужой стае. Перепутают ненароком с приманкой и сожрут за милую душу.

Слайды я увидел впервые, и с удовольствием разглядывал широкоформатную цветную картинку на свет. От Миронова это не ускользнуло, и он любопытствовал:

– Как, на ваш взгляд, смотрится?

Не ответить я не мог, потому что все головы повернулись в мою сторону. Сказать правду, значит немедленно нажать себе недоброжелателей. Но и серость свою выставлять опасно: бледнолицые всегда вызывают у туземцев пренебрежение и желание слопать. Поэтому я, ещё раз скользнув глазами по плёнке, с уверенностью сказал:

– Хороший снимок. И сюжет неплохой, и качество отменное! Сами проявляли? – перенёс я внимание аудитории на Редькина.

– От – ткуда? У нас п – ппроваочной машины нет. В АПН пришлось съездить.

В принципе каждый номер журнала должен был утверждаться на заседании редколлегии журнала, но это происходило только тогда, когда приезжал лётчик – космонавт Герман Степанович Титов. Он занимал пост заместителя Главного редактора, скорее для престижа журнала. Настоящая его работа была в космических частях связи Министерства обороны.

Я знал его ещё с училища. Он поступал туда вместе с нашим потоком, но когда пригнали из Павлодарской первоначалки сто двадцать новых гавриков, нас, аэроклубовцев, посчитали в лётном деле менее образованными и, не мудрствуя лукаво, бесцеремонно отправили в Аткарск летать на «Як – 18» – х. Несколько человек, однако, поддались на агитацию представителя от вертолётного училища, и уехали в Саратов.

Герману повезло больше. Он год обучался на «Як-11», ещё один – на «МиГ -15», был произведён в офицеры и направлен в 26-й гвардейский истребительный полк, расквартированный в Сиверской.

После окончания Сибирского истребительного училища с красным дипломом мне на выбор предложили несколько военных округов. Я остановился на Ленинградском, и по стечению обстоятельств тоже оказался в Сиверской. Но Титова не застал. Он уже был в отряде космонавтов.

Мы встретились после его полёта в космос в университете Дружбы народов. Он выступал перед студентами – иностранцами на ледовой арене, где проводились соревнования по хоккею и фигурному катанию. Минут пятнадцать рассказывал о полёте в космос и не менее часа отвечал на вопросы слушателей. Когда официальная часть закончилась, я набрался смелости и прошёл к нему за кулисы. Поздоровался. Представился и передал привет из Сиверской.

– О, – обрадовался он, – как там наши ребята? Лёва Григорьев, Кузьмин, Шулятников?

– Да вообще – то всё в ажуре. Был там недавно по заданию редакции. Летают. Молодые, те, кто остался после разгона, приступили к полётам в сложных метеоусловиях. Полк переименовали в истребительно – бомбардировочный. Живут, о вас вспоминают, приглашают в гости, Герман Степанович.

– Чего это ты, брат, перешёл на «вы»? – с укором сказал Титов. – Я как был Геркой, таким и останусь. А за приглашение спасибо. Непременно приеду...

Спустя несколько месяцев Титов выполнил своё обещание, но я, к сожалению, на встрече с однополчанами не присутствовал: меня отправили в Польшу.

Прошло два десятка лет, прежде чем я узнал подробности посещения космонавтом родного полка. Рассказывали, что в гарнизон собрались все жители и гости курортного местечка Сиверской, забрасывали космонавта вопросами и цветами, брали автографы, носили чуть ли не на руках. А потом до глубокой ночи длился дружественный банкет...

– Ну, что ж, все проблемы решены, цели определены, за работу, товарищи! – благословил собравшихся Илья Александрович, и все потянулись к выходу.

– Юрий Александрович, – остановил Главный Кислякова. – Оставайтесь на минутку.

Не знаю, о чём между ними происходил разговор, но через приоткрытую дверь доносились фразы на повышенных тонах. Минут через пять Юрка выскочил из кабинета явно взбешенный и предельно злой. «Понятно, – сделал я для себя вывод. – В тихом омуте черти водятся».

– Ну, вот и я, – объявил я своим подчинённым, усаживаясь за рабочий стол. – Для знакомства коротко расскажу о себе.

Анна Михайловна, симпатичная брюнетка с карими глазами, сидевшая по мою правую руку, отложила бумаги в сторону, подпёрла округлый подбородок и наострила маленькие, скрытые модной причёской ушки. Губы её, пухленькие, чуть подкрашенные, приоткрылись

в вежливой улыбке, достаточной, чтобы разглядеть между ними полоску ровных, привлекательно белых зубов. Лет ей было не больше тридцати, но лёгкий макияж и новый блузон с повязанным на шее пёстрым платком заметно молодили женщину. Рядом с её столом, прислонившись к стене, высился огромный, как контейнер. Застеклённый шкаф, забитый папками, журналами, справочниками и другой, очевидно, необходимой для работы, литературы.

Редькин занимал столик напротив меня. В кургузом сером пиджачке, с разлохмаченными тёмными волосами и стиснутыми зубами, от чего желваки на его узких скулах рельефно выпирали, он был похож на взъерошенного воробья, напуганного наглой вороной. Фотокорреспондент молча внимал моим словам, сохраняя маску приличия, но его руки беспокойно перебирали кипу свеженьких, очевидно проявленных вечером снимков. Суетливость его, как я понимал, демонстрировала независимость и достоинство перед новоявленным начальником. За его показной кротостью чувствовалось профессиональное превосходство. Очевидно, прознал, что кроме армейской газетёнки «Боевая тревога» опыта работы в журналистике у меня – с гулькин нос. В печати, как нигде больше, новости распространяются со скоростью света.

– У меня нет намерений менять стиль вашей работы. Для этого пока нет оснований. Прошу лишь соблюдать трудовую дисциплину, – закончил я свою речь. – Начнём с чистого листа. И называйте меня по имени – отчеству. А теперь – вопросы?

На минуту в кабинете повисла тишина. Очевидно, мои подчинённые раздумывали, говорить или нет о своих болячках. Наконец, Редькин, волнуясь и оттого ещё сильнее заикаясь, не вставая, пожаловался на дефицит цветной плёнки.

– Ж – живём впроголодь. От – тдел тттехнических с – средств п – пропаганды во главе с Фоменко с – считает нас нахлебниками, в военторге – игнорируют. Это – раз. Два: смешно, но в цветном журнале нет проявочной машины для слайдов. Приходится пользоваться расположением коллег. То в ТАСС, то в АПН то в «Советский воин», – ц – целыми днями в бегах. А работать когда?

Он пожал узкими острыми плечами и склонил голову набок.

– Что ж, Дмитрий Григорьевич, согласен с вами, непорядок налицо. Будем исправлять положение, – сделал я пометки в блокноте.

– И аккредитации ни к чёрту, – осмелел и перестал заикаться Курбатов. – Ни на парадах, ни на торжественных собраниях, где собираются знаменитые лётчики, ни, тем более, съездах не бываю. А журнал без снимков, как слепой без поводья.

– Это верно, – удивился я точному сравнению фотоко́ра.

– И у меня есть серьёзные претензии к отделам. Материалы в номер нашему литературному сотруднику Любовь Степановне приносят в последний момент. А их надо вычитать, править, сделать гранки, снова вычитывать, сокращать, форматировать. Вот и приходится работать на форсажном режиме, – вставила своё слово Анна Михайловна, – вот и получается тятп – ляп.

От волнения Анна зарделась, мельком взглянула на меня, оценивая, как я это воспринимаю, и добавила:

– Кроме того, макет с гранками вам лично надо передать военному цензору, и только с его визой сдать в третью типографию. На всё надо время, и его катастрофически не хватает.

Она перевела дух и закончила:

– Я вам показала упрощённую схему рождения журнала. На самом деле она намного сложнее. Вскоре в этом сами убедитесь.

Записав неудовольствия сотрудников, я попросил предоставить для ознакомления материалы апрельского номера.

– Вот пока всё, что имеется, – подала она тощую папку с рукописями.

Номер был посвящён двадцатилетию полёта Гагарина в космос.

На площадке, отведённой для курения, я увидел подполковника Светлицына, среднего роста, упитанного, широколицего офицера. Его иссиня-чёрная шевелюра лоснилась, словно намазанная бриллиантином, а из-под широких дугообразных бровей антрацитом блестели тёмные, как южные ночи, вприщурку смотрящие глаза. В каждом его движении чувствовалась этакая вальяжность и довольство. Безупречно выглаженные брюки и рубашка без слов говорили об ухоженности и внимании. От него исходили мягкие и приятные запахи отечественного одеклона «Красная Москва».

– Максим, – назвался он, улыбаясь и протягивая руку. – Давно смолишь?

Ладонь его была влажной, по-женски мягкой и безвольной.

– Лет двадцать. Закурил по случаю окончания училища. С тех пор и бросаю.

– Вредная привычка, – согласился Светлицын. – Тоже злоупотребляю. Да лучше лишних сто грамм опрокинуть, чем каждый час травить свой организм дымом, вонючим и поганым, – употребил он словосочетание из доноса подъячего о первом полёте человека на воздушном шаре. «Подкованный», – отметил я про себя эрудицию собеседника в истории развития авиации.

– Мы недавно встретились с ребятами в неформальной обстановке. О жизни поболтать, стресс сбросить. Договорились покончить с куревом. Да не вышло, – с остервенением раздавил он окурочек в громадной пепельнице. – Ладно, пойду работать.

И ушёл, не скрывая улыбки, от которой на щеках Светлицына появлялись ямочки.

До обеда я вычищал авгиевы конюшни моего рабочего стола, сейфа и шкафа, безжалостно отправляя в корзину прочитанные и ненужные бумаги, оставленные моим предшественником, потом долго переписывал из блокнотов Редькина и Анны адреса и телефоны организаций и нужных людей. Честно сказать, не подозревал, что журнал имеет такую широкую сеть абонентов, львиная доля которых замыкалась на отделе оформления.

Вместе с Владимиром Ивановичем прошёл на территорию мединститута космонавтики, и пообедали в ведомственной столовой. Я с интересом рассматривал людей, принимающих пищу, стараясь угадать, кто есть кто. Здесь были офицеры, от лейтенанта до полковника, и множество гражданских лиц, в основном женщины. Одна из них, остроглазая, с роскошными каштановыми локонами лет тридцати пяти, сидевшая в кругу подружек, что – то оживлённо рассказывала и украдкой обстреливала нас мимолётными, зовущими взглядами. Не иначе, заметила новичка. Обухов ей, очевидно, был давно знаком, и предметом её внимания мог быть только я. Мне она тоже понравилась, симпатичная мордашка. Надо взять на заметку.

К середине обеденного времени в столовой собрались почти все журналисты, кроме женского персонала. То ли в целях экономии, то ли по каким другим соображениям, обед они приносили с собой и ели на рабочих местах.

Мы уже заканчивали трапезу, когда к нам подсел Юрий Александрович с компотом на подносе и тарелкой манной каши. Я удивился его аскетизму, но промолчал. Зато он, словно извиняясь, проговорил, что желудок ни к чёрту не годится и что проклятый гастрит заставляет питаться детской пищей.

– Заходи в отдел, поговорить надо. Не забыл, где мы обитаем?

Отдел боевой подготовки находился на отшибе, внутри институтского двора, и располагался в большой комнате на втором этаже пятиэтажки. Единственное окно выходило во двор, сквозь которое просматривалась вся редакция.

Кроме Кислякова в разных углах помещения сидели его подчинённые майор Жилин Александр Иванович, писавший на злободневные темы хлёсткие, убийственные материалы, и старший научный сотрудник Долгишев Виктор Петрович, тоже в майорском звании. Ребята о чем – то с азартом спорили, но когда мы вошли, примолкли в знак уважения к начальнику.

– Базарим? И на какую тему? – поинтересовался Юрий Александрович.

– Да вот, командир, выясняем, где у женщины передок. Витька говорит, что грудь, а мне кажется – пах, – на полном серьёзе ответил Жилин. – Рассуди, шеф.

– Здесь и рассуждать не о чем. И то, и другое – составляющие. Визитной карточкой женщины является лицо. Ну и, конечно, всё, что к нему прилагается. Ферштейн?

– Яволь, – в тон командиру дуэтом ответили подчинённые, и все дружно рассмеялись.

Непринуждённые отношения между офицерами создавали обстановку доверительности и дружбы, настраивали на творческий лад. Впоследствии я не раз убеждался, что не ошибся в своих умозаключениях. Отдел работал слаженно и продуктивно. И наезды на летучках и заседаниях редколлегии носили признаки искусственно создаваемых руководством проблем.

Дело в том, что Юрий Александрович позволил себе как – то высказать мысль, что в журнале публикуются материалы, совершенно ненужные авиаторам. Кому, к примеру, понравятся статьи на научную тему, занимающие треть опубликованной площади? Зачем, спрашивается в задачнике, теоретические выкладки о перспективах развития авиации? Вместо дельных советов, почерпнутых из опыта работы лётчиков, техников и других авиаспециалистов, волевым методом на страницах появляются пустопорожние рассуждения. Вот почему журнал, претендующий на популярность, не пользуется спросом, и подписка на него проводится под партийным давлением. А передовицы, призванные будировать потенциальные творческие силы авиаторов на качественное выполнение планов боевой подготовки? Разве они воодушевляют пустопорожним сотрясанием воздуха? Да их просто игнорируют!

От неслыханной дерзости подполковника Кислякова, нагло замахнувшегося на методы руководства печатным изданием, и Миронов, и его заместитель Бессонов и остальные члены редколлегии опешили. Это был явный бунт против устоев партийного руководства.

Хитрый и осторожный с выводами Главный не стал заострять ситуацию на критике в свой адрес. Чтобы сбить закипающие страсти, он односложно сказал:

– Хорошо. Мы учтём замечания подполковника Кислякова.

Но сразу же после летучки вызвал к себе секретаря партийной организации полковника Лебедева, сутулого, всегда взъерошенного и послушного подчинённого и долго беседовал с ним с глазу на глаз.

В результате секретных переговоров родилась тема очередного партийного собрания: «О задачах коммунистов по улучшению качества журнала и мерах по преодолению застойных явлений».

С докладом выступал сам Миронов. Задачи, которые были известны всем наизусть, он выложил коротко, остальную часть обрушил на нигилистические тенденции, свойственные отделу боевой подготовки. Здесь, говорил он, имеет место своеволие, вместо запланированных статей предлагают новые, надуманные и оторванные от жизни, материалы, как правило, сырые и даже сдаются с опозданием.

В прениях выступили Бессонов, Светлицын, Беляев, безоговорочно поддержавшие позицию Главного, Горьков и служащий Советской Армии Коньков, высказавшие сомнения относительно слабой работы ОБП. И, конечно, нарушитель спокойствия Кисляков:

– Спасибо за критику, товарищи коммунисты. Мы учтём ваши замечания. Но я не перестану бороться с явлениями, когда в ущерб авторитета журнала, в нём печатаются материалы кому – то нужных людей, научных работников, готовящихся к защита диссертаций, и потому обязанных иметь для этого ряд опубликованных работ, чиновников, стремящихся повысить свой рейтинг и продвинуться в должностях и званиях. Журнал рассчитан на массового читателя, а по существу его читают лишь авторы статей и корреспондентов, Любовь Степановна и военный цензор.

Последнее предложение Юрия Александровича вызвало улыбки и смех.

С заключительным словом выступил докладчик. Он похвалил активность коммунистов (значит, тема актуальна), пожурил, пощекотав нервы Кислякова, за политическую близоруч-

кость, зная наперёд, что после его выступления дискуссии не будет, и пожелал всем творческих удач.

С тех пор коллектив разделился на две непримиримые группировки – мионовцев и кисляковцев. Случилось это за три года до моего появления, да так и осталось. Ни о каком компромиссе речи быть не могло.

Обо всём этом мне рассказал Юрий Александрович, когда мы, уединившись на лестничном пролёте, нещадно смолили сигареты «Ява».

– Ты человек новый, так что выбирай, какую сторону поддерживать. Не сомневаюсь, что кто-нибудь из прихлебателей Миронова к тебе обязательно подвалит. Силёнок у них мало-вато...

– А ведь ты прав, бродяга, – признался я Кислякову две недели спустя. – В прошлую субботу Светлицын предложил мне составить компанию на «мальчишнике», но я отказался, сославшись на свою язву. По-моему он был разочарован.

– Ну, что я тебе говорил, – взбодрившись, ткнул он указательным пальцем в стол, как будто ставил точку на чём – то решённом. – Но учти, твой отказ даром тебе не пройдёт. Если ты не у них, значит, на моей стороне. И самолюбивый Макс найдёт повод насолить.

– Скажу тебе по секрету, что в твоём отделе Анька соблюдает нейтралитет, а вот Редьки глядит в рот Главному. Так что будь осторожен: в фотоделе ты новичок, а подставить тебя – Димке ничего не стоит.

Он как в воду глядел. Дмитрий Григорьевич нанёс мне два таких болезненных апперкота, пославших меня в нокдаун, от которых я и сейчас, вспоминая, чертыхаюсь. Но подробнее об этом расскажу попозже...

К концу рабочего дня в отделе появилась Татьяна Николаевна Цветкова, старшая в машинописном бюро. Коренная москвичка, одетая по последней моде и в макияже, выглядела лет на двадцать пять, хотя я, успев изучить контингент, знал, что ей уже давно за сорок. Блондинку молодили большие голубые глаза, округлое, без единой морщинки, лицо и высокая упругая, на взгляд, соблазнительная грудь, искушающая её пощупать. Печатала она, не глядя на клавиатуру, как пулемёт, выкладывая на заправленный в каретку лист не менее двухсот знаков в минуту.

– Беда у нас, – пожаловалась она, озабоченно на меня поглядывая. – Машинка сломалась, а запасной нет. Прошу оказать помощь.

Оказывается, починка машинок и другой техники висели на редакторе отдела оформления. Как и через кого это делается, рассказал Обухов:

– Вот тебе телефон, – записал я «53 – 49», – едешь в АХО или в штаб Дальней авиации. На звонок выйдет мастер и принесёт пропуск на сдачу машинки в ремонт. Там и договоришься о сроках готовности. Да не забудь взять квитанцию, иначе хлопот не оберёшься.

Единственная на редакцию машина, чёрная, потрёпанная «Волга», перешедшая в наследство от какого – то генерала, была нарасхват. Официально это авто считалось персональным для Главного. По утрам водитель заезжал за ним домой, на Кутузовский проспект, а после трудового рабочего дня возвращал обратно. Как правило, Илья Александрович не сидел на месте и мотался в Политуправление ВВС, на презентации, совещания руководящего состава, в редакции военных журналов и по своему личному плану. Право на персональную машину Миронов оберегал ревностно и разрешал использовать её с неохотой. Но по такому неординарному случаю мне его выдали на следующий день.

Был и ещё один канал, по которому мы использовали ресурсы гаража, обслуживающего офицеров управления. Неудобство заключалось в том, что машины прибывали только по предварительным заявкам.

Ни в штабе Дальней авиации, ни в АХО машинку у меня не приняли. Человек, вышедший ко мне на встречу, с совершенно лысым, как бильярдный шар, черепом, покачал головой и

сказал хриплым, с очевидного бодуна голосом, что в производстве находится не меньше сотни печатных аппаратов, и что ждать исполнения заказа придётся долго.

– Советую смотаться к транспортникам, – развёл руками Застрожнов. – Если не они, то вряд ли кто вам поможет. Кстати, вопрос о предоставлении временного жилья для вашей семьи, сдвинулся с места. Позвоните мне через недельку.

Воодушевлённый радужными перспективами, я рванул по рекомендованному адресу и совершенно неожиданно встретил полковника Сычёва. Генрих Иванович ничуть не изменился. Такой же собранный, деловитый и гостеприимный:

– Какими судьбами? – воскликнул он, и на его мягком и добродушном лице расплылась такая счастливая улыбка, как будто перед ним был не бывший его подчинённый, а близкий родственник.

– Да вот, так получилось. Переквалифицировался в управдомы, – пошутил я, вспомнив знаменитую цитату из лексики Остапа Бендера. – Работаю в журнале редактором отдела оформления.

– Рад, очень рад за тебя! – искренне произнёс Сычёв. – А я – у генерала Колчанова в замах.

– Не у Валерия ли Сергеевича?

– У него. Ты что, с ним знаком?

– В академии учились вместе, – вспомнил я сурового, редко улыбающегося однокурсника и подумал: «Смотри, как люди растут? За десять лет от майора до генерал-майора дослужился! А что же ты топчешься на одном месте, словно глину месишь?».

– Жаль, что шеф в командировке и не могу с ним свести, – с огорчением поджал тонкие губы Генрих Иванович. – Ну, да встретитесь. Ты ведь, как я понимаю, навсегда в Москву прибыл?

– Если не вытурят, то, похоже, что так. Квартиру успеть бы получить, прежде чем увольняться. Уволенных военных на гражданке – хоть пруд пруди. Вот и живут в гарнизонах, ожидая. Прибывают на их места новые офицеры, а жилплощадь занята. Гордиев узел, да и только. И разрубить его – никому не под силу.

На последние мои слова Генрих Иванович не прореагировал. Осторожность, присущая старому политработнику и помогающая выживать при любом начальстве, и в столице его не покинула.

– Правильно мыслишь. Я тоже подумываю о пенсии. Как там наши забайкальцы? – переключился он на другую тему, имея в виду сослуживцев – политработников.

– Как прежде, ничего нового. Мальдов стал генералом, тоже, кстати, оказался моим однокурсником, когда учился на факультете журналистики. Бурмистров всеми недоволен, и, как мне кажется, прежде всего, потому, что не видит перспективы роста, Марченко мечтает перебраться на родину.

Мы поговорили ещё минут пять, и Генрих, взглянув на часы, заторопился:

– Ты по какому случаю оказался у нас? Понятно. Времени у меня нет, зайди к полковнику Заниздру. Виктор Георгиевич всё уладит. Давай, позванивай.

И, попрощавшись, мы разошлись...

О цензуре, существующей, как мне представлялось, для предупреждения утечки в открытой печати секретной информации, я знал не один год. Но только по рассказам связанных с ней офицеров. О военных цензорах, использующих в работе многообразие форм и методов идеологического и политического контроля и выполняющих подавляющие функции прямого воздействия, об их щепетильной придирчивости и жёсткости ходили анекдоты и байки, озвучивать которые, мягко говоря, не рекомендовалось. Всё, что готовилось к печати, озвучиванию и показу, проходило через фильтры грубой и мягкой очистки.

Оклады и звания цензоров были высоки, и каждый из них крепко держался за своё рабочее кресло. Бдительности этих монстров мог бы позавидовать любой разведчик или пограничник. Проверая материалы на предмет крамолы, они знали наизусть массу документов, регламентирующих их работу. И если при чтении книг, брошюр, статей и других мелочей, даже подписей под фотографиями, в их душах закрадывались незначительные колебания, цензор безжалостной рукой вымарывал сомнительные места. Это были настоящие роботы со встроенной программой. Их страшились и уважали, потому что обойти цензуру не представлялось возможным. Спорить с ними – спорили, возмущались их беспределом, но бесполезно: сказал – люмень, значит, люмень, и никакого тебе железа.

Несмотря на огромное количество этих церберов, стоящих на пути средств массовой информации, мне не приходилось видеть вживую ни одного. Первый контакт с ними произошёл в конце месяца, когда меня с гранками, схемами и фотографиями будущего номера журнала откомандировали на Пречистенку, где располагалось здание военной цензуры.

Москву я знал плохо, если не сказать – совсем не знал. И если бы не водитель, уверенно пробивающийся по Садовому кольцу к намеченной цели, блуждать бы мне и блуждать по бесконечным улицам и переулкам огромного мегаполиса.

Серое, монументальное пятиэтажное здание охранялось военными, но по пропуску, полученном в АХО управления, меня пропустили беспрепятственно.

– Вам на третий этаж, в комнату № 312, – подсказал мне бравый, подтянутый солдат, стоящий на проходной. – Подниметесь – налево по коридору, до конца – и сразу направо.

С папкой под мышкой я проследовал по указанному пути и остановился передохнуть перед серой высоченной дверью. Длинный коридор тускло освещался с четырёхметровой высоты двумя маловольтовыми лампочками. «Ну, с Богом!», – скомандовал я себе и толкнул тяжёлую неподатливую половинку.

В комнате, размером чуть ли не с баскетбольную площадку стояло три стола. Один был пуст, за остальными сидели полковники и гоняли чай.

– Желаю здоровья! – приветствовал я их жизнерадостным голосом и назвался представителем. Надо было обратить на себя внимание, чтобы сразу запомнили. В ближайшее время мне с ними работать.

– И вам не хворать! – кивнул головой сидящий ближе полковник, не переставая перебирать стопку вощёных листов в промежутках между глотками. – Из каких краёв будете? А, от лётчиков, – не удивился он. – Что – то за последнее время гонцы от журнала меняются, как перчатки.

– Долго меня искали. Нашли в Забайкалье, – кинул я пробный камень, проверяя собеседника на предмет понимания юмора.

– О, – вступил в разговор немолодой полковник с крупной плешью, сидящий на отшибе. – Я там десять лет сидел. Роскошный край, безбрежные просторы, раскованные люди, – с сочувствием осмотрел он меня с ног до головы.

Так и подмывало подковырнуть, не в Нерчинской ли тюрьме, но я сдержался, понимая, что шутка может показаться неуместной. Цензура – она сопоставима с таможей, где неосторожно оброненное слово может спровоцировать чиновника на великий шмон.

– Точнее не скажешь, – польстил я лысому полковнику, присаживаясь на предложенный стул. – И жить там – одно удовольствие! Жаль, что наши командиры при перемещении по службе не спрашивают нашего мнения на этот счёт...

Хозяева комнаты дружно рассмеялись, оценив мой английский юмор.

– Куликов, Борис Иванович, – протянул мне мягкую ладонь, сложенную лодочкой, лысый полковник, с интересом разглядывая меня. – Я курирую ваш журнал.

– Тогда вот, – раскрыл я дипломат, выкладывая на стол гранки и фотографии, – на ваш суд и рассмотрение.

– Не сомневайся, приятель, осудим через недельку, – с шутливой угрозой пообещал Борис Иванович, перелистывая увесистую стопку материалов, и я понял, что понравился цензору.

... Никогда не думал, что должность редактора отдела оформления может быть такой хлопотной. О командировках в Забайкалье я теперь вспоминал, как о краткосрочных отпусках. За три долгих месяца мне удалось наколесить по Москве и области столько километров, сколько и профессиональный посыльный не делает. И вот что интересно: даже ту работу, которую должны были выполнять другие, поручали мне. Я побывал в отделе печати ГлавПуРа, в Агентстве Печати Новости, ТАСС и Воениздате, складах технических средств пропаганды в Люберцах и Балашихи, в редакциях журнала «Советский воин», «Техника и вооружение», «Советская милиция» и «Смена», издательстве «Плакат» и во всех центральных газетах, от окружной «На боевом посту» до «Правды». Встречали по-разному: чаще радушно, иногда сдержанно, реже – надменно. Всё зависело от статуса печатных изданий и рейтинга журналистов в них работающих.

Я прекрасно понимал, что с людьми, с которыми меня сводила судьба, – мне в дальнейшем общаться и работать. И главной задачей на первых порах считал наладить дружественный контакт и доверительные отношения с коллегами. Поэтому прежде, чем идти на встречу с новым человеком, я собирал о нём возможную информацию у наших ребят. Однако делились ей неохотно: ко мне продолжали присматриваться. Клань не спешила принимать варягов в свои ряды. Лишь Владимир Иванович Обухов давал короткие, но меткие характеристики моих будущих оппонентов. Разговаривая с ним, я вначале удивлялся широтой его кругозора, глубокими, хрестоматийными знаниями и великолепной памяти. Казалось, не было вопроса, связанного со средствами массовой информации, на который бы он не смог ответить. Просто какая – то ходячая энциклопедия.

Ко мне, новичку в журналистике, он относился со снисходительным покровительством. Я отвечал неподдельным уважением и признательностью, несмотря на его взрывной, несносный, ворчливый характер. Парадоксально, но у него было редкое качество, не перебивая, до конца выслушивать собеседника. Люди с таким даром встречаются редко. Больше таких, которые слышат только то, что им близко и совпадает с их видением обсуждаемой проблемы. Остальные идеи проходят мимо ушей, в которых вставлены фильтры тонкой очистки.

Я давно уяснил, что нельзя злоупотреблять вопросами, если находишься в окружении сослуживцев. Среди них обязательно найдётся умник, для которого ответ на них очевиден. Ответ, возможно, ты и получишь, но у остальных, так уж мы созданы, в подкорке невольно отложится информация о твоей беспомощности. Мелочь, конечно, но из таких мелочей складывается мнение о человеке, создаётся твой интеллектуальный портрет и соответствующий рейтинг. Вот почему на интересующие меня темы я старался вести разговоры, как говорят поляки, в «четыре очи».

Если в среде офицерского состава я нашёл советника и мецената в лице полковника Обухова, то у вольнонаёмных сотрудников редакции – Любовь Степановну Виноградову, возглавляющую литературный отдел. Миловидная шатенка с карими колючими глазами бальзаковского возраста, она выглядела лет на десять моложе и обращала на себя внимание не только модной одеждой и стильной причёской, но и манерой говорить: чётко, коротко и ясно – с авторами статей и корреспонденций, и многословно, дружелюбно и притягательно – со своими товарками. Этому оптимально выбранному и отточенному в гарнизонных жизнях стилю своих взаимоотношений с окружающими она никогда не изменяла и слыла женщиной любезной, но принципиальной. Получившая высшее гуманитарное образование, она, в вычитываемых ею материалах, терпеть не могла словоблудия и фриivolностей в русском языке. Нельзя сказать, чтобы её боялись, но старались не попадаться на кончик острого, как бритва, язычка. И молча сносили беспощадное вымарывание в своих рукописях неточных выражений и двусмыслен-

ностей. С ней поначалу пытались спорить, но оппоненты, сражённые вескими аргументами и фактами, терпели фиаско и, пристыженные в безграмотности, ретировались от греха подальше.

Муж Любови, кадровый военный, немало помыкался по свету, пока не осел в Москве на должности преподавателя академии. И жена, следуя за ним, как нитка за иголкой, вобрала в себя все особенности армейской периферийной жизни вплоть до жаргона и способность быстро адаптироваться в новых условиях. Не мудрено, что и в новом коллективе она, как говорят, пришлась ко двору.

Сколь себя помню, а, может, мне только казалось, но литературовед никогда не расставалась с сигаретой и всегда и везде, если не разговаривала, читала оригиналы рукописей, а то и гранки. Даже сидя в курилке, она, закинув ногу за ногу и изящно откинув в сторону длинную папиросу между затяжками, пожирала листы с текстом своими зоркими и острыми, как буравчики, глазами. Там мы и сошлись характерами, нещадно смоля и жарко обсуждая пагубность в пристрастии к табаку.

С мнением Любы считались. Не знаю, что она наговорила на мой счёт, но все редакционные девчонки, поначалу встречающие меня настороженно, вскоре оттаяли, должностная вежливость с их лиц улетучилась, мы подружились и даже вместе гоняли чай, сплетничая на избранную тему. Доверительность между людьми – мощное средство, поддерживающее здоровую жизнь любого коллектива.

Женщины были разными. И по возрасту, и по образованию, и по социальному положению и по интеллекту. Но что их, безусловно, объединяло, так это стремление быть привлекательными. Врождённый инстинкт к размножению заставлял каждую из них одеваться по моде, следить за макияжем и укладкой волос, пользоваться одуряющими духами и смелой палитрой губной помады. Наташа Чулкова, работающая в связке с Виноградовой, всегда ходила с длинными распущенными прядями, вытравленными перекисью водорода, белыми, как новогодний снег. Машинистка Татьяна Николаевна Цветкова почти каждый день меняла платья, и я всё удивлялся, как это ей удаётся при её более чем скромной зарплате покупать себе дорогие вещи. Технический редактор Нина Николаевна Никольская – Н в кубе – источала тонкий аромат французских духов. Они, как цветы, привлекали мужское внимание яркой раскраской и благовониями.

Я как – то имел неосторожность спросить Наталью, типично русскую красавицу с округлым подбородком, голубым загадочным взглядом и ямочками на ядрёных щёчках:

– Чулкова, вы неотразимы! И для кого предназначены ваши усилия?

Она пожала плечами, взметнула в удивлении лебединые брови и чистосердечно призналась, что для себя.

– Смешные вы, мужики. Думаете, если женщина за собой следит, то обязательно хочет кому – то понравиться. Я, между прочим, замужем, – заметила она и закончила со значением: – Для себя стараюсь, для себя.

«А ведь ты не лукавишь, девочка. Врождённый инстинкт к размножению нейтрализует попытки твоего разума скоординировать функции достаточной необходимости. Какой бы статус у тебя не был, ты подсознательно стремишься выглядеть привлекательной, – подумалось мне, – даже на смертном одре».

Естественно, ничего подобного вслух я не произнёс, но поощрительно улыбнулся.

Между тем, жизнь продолжалась. Каждую субботу я названивал в Читу, сообщал Ладе о своих делах и о действиях, предпринятых для получения жилья, получал ответную информацию и отправлялся к Константину, чтобы снять накопленный за неделю стресс. Иногда получал письма из далёкой Чукотки от младшего брата, полные оптимизма и веры в светлое будущее. На мои настойчивые советы бросить дыру и перебраться в Волгоград он реагировал живо, но его жена, словно приклеенная неведомой силой к Северу, категорически была против. Ни тре-

клятые морозы, ни всепроникающий гнус, поездом пожиравший всё живое, несмотря на тщательную защиту, ни отсутствие элементарных удобств её не пугали. За четверть века, прожитых в условиях крайнего экстрима, Галина научилась виртуозно ловить рыбу, скрадывать зверя, заготавливать продукты впрок, ничем не уступая мужу, переняла обычаи аборигенов и никогда не жаловалась, что живёт в какой – то столетней давности халупе без воды, без туалета и с печным отоплением. Я долго размышлял о её настойчивом нежелании вернуться к цивилизованной жизни и пришёл к выводу, что всё дело в её независимом характере. Возврат на Волгу, в квартиру, где доживали свой век мои престарелые родители, означал для гордой и самолюбивой снохи занять в доме второстепенную роль и танцевать под дудку властной и нелюбимой свекрухи.

Первая Юркина любовь, вспыхнувшая в музыкальной школе к пианистке – однокашнице, складывалась мучительно долго. Но в училище приобрела зримые очертания. И всё бы было хорошо. И мать наша Анастасия Никаноровна одобрила вкус последыша, и уже стали поговаривать о свадьбе, но вмешались потусторонние силы в лице музыканта – преподавателя, и разгоревшиеся чувства стали угасать, так и не доведённые до логического экстаза. Что тут поделаешь? Насильно мил не будешь.

Юрка долго болел, но был молод, и кровь в парнишке ходила ходуном. Да и время – хороший лекарь. И когда на горизонте появилась красивая и смелая Галочка, тайно влюблённая в него с пятого класса, брат не устоял. И привёл в дом на смотрины будущую невестку. Но матери она не понравилась. Чувственная по натуре девочка мгновенно сориентировалась, откуда ждать неприятностей, в гости ходить перестала, но цели своей добились: молодые поженились. За три долгих года, пока Юрка заканчивал консерваторию, женщины так и не нашли общего языка. Мать постоянно ревновала сына к снохе. И когда подвернулась возможность завербоваться на Север, молодые приняли её, как избавление от непосильной ноши.

Сын Сергей заканчивал военно-техническое училище, летом должен был стать офицером, но куда попадёт по распределению, не знал. Хотелось бы, конечно, поближе к тебе, намекал он при разговорах по телефону, но желания не всегда совпадают с нашими возможностями. Естественно, мне бы тоже этого хотелось, однако вмешиваться в его судьбу было рановато: на новом месте я чувствовал себя на птичьих правах.

Полнее всего складывались отношения с родителями. Отец никак не был расположен к письмам и за годы разлуки не прислал ни одной весточки. Возможно потому, что закончил два класса церковно-приходской школы, стыдился писать, считая себя безграмотным. Зато от матери я получал увесистые конверты с подробным описанием их пенсионной жизни, с яркими изложениями о родственниках, друзьях и знакомых. Иногда вместо писем приходили бандероли с семечками, вяленой воблой и леденцами, с надеждой и пожеланиями бросить курить. Мои настоятельные просьбы перестать отрывать пенсионные крохи для великовозрастного сына успеха не имели. Сколько бы лет ни прошло, для родителей мы всегда остаёмся малыми детками.

Потрясающее известие пришло из Челябинска от моей сестры Маши. Она сообщила, что её муж, старшина сверхсрочной службы Александр Михайлович скончался. Пять лет тому назад! Поехал на родину во Владикавказ, лежал на верхней полке купейного вагона с открытым окном, простудился и в одночасье помер на сорок пятом году жизни. Господи, да не уж-то, правда? Великий оптимист, весельчак и балагур, нескончаемый источник анекдотов, приколов и прибауток из-за какого – то пустяка отправился на тот свет? Где, спрашиваю я вас, справедливость? И почему о его смерти я узнаю только через пять лет?

Обо всём этом я написал гневный ответ моей милой сестричке. Обидеться она не могла, я писал правду. Но не учёл, что женщины не переносят критики, как бы она не была обоснованной. Критику в свой адрес они воспринимают, как оскорбление. Поэтому между нашими

семьями надолго установились только дипломатические отношения. Выходит, сделал я вывод, правда тоже бывает разной...

Жизнь, однако, продолжалась. Не прошло и трёх месяцев, как меня вызвал к себе начальник АХО и милостиво предложил временное жильё из фонда Главкома ВВС. Умный Застрожных предпочитал хорошие вести сообщать лично:

– Не скажу, что вариант удобен для работы. Далековато, но по московским меркам вполне приемлем. Двухкомнатная квартира находится на 41 – м километре от столицы. Но со всеми удобствами и рядом с остановкой на электричку. Вот тебе ключи. Съездишь, посмотришь. Не понравится, не обессудь.

Я откровенно рассмеялся, вспомнив рассказ своей матери о привередливом сыне.

– Ничего смешного здесь нет, – обидчиво поджал губы Застрожных.

– Да я не об этом, товарищ полковник, – успокоил я начальника. – Дело в том, что у моего отца – крестьянина было пять братьев. Каждое утро перед выходом в поле они завтракали пшённой кашей. Мой отец как – то закапризничал: пшёнка да пшёнка, сколько можно?

– Ну, что ж, – сказала ему мать, – не хочешь – не ешь. Другой варить не стану.

После целого дня работы возвращаются мужики, а на столе – та же каша. Попробовал отец, и расцвёл от удовольствия:

– Вот это совсем другое дело. Вкуснее ничего не ел!

– Ааа, – догадался Застрожных, и мы, как дети, дружно захохотали.

Осмотр квартиры меня удовлетворил. Две просторные комнаты на третьем этаже, два шикарных балкона, паровое отопление, горячая и холодная вода, кухня и ванная с горшком, – чего ещё надо для семьи невзыскательного офицера?

К тому же почти рядом – Военно-воздушная академия в Монино и Звёздный городок – Центр подготовки космонавтов, где имела музыкальная школа для дочки.

Контейнер с домашними вещами, два месяца простоявший на территории аэродрома Чкаловский, я перевёз в новую квартиру. Из всего нажитого в Чите мы не могли расстаться с книгами, детской кроваткой для сына и кухонного гарнитура.

Я отправил Ладе телеграмму с приглашением в Москву и укатил в командировку.

Глава вторая

По случаю приезда семьи Главный редактор журнала предоставил мне трёхдневный отпуск. Времени было достаточно, чтобы встретить Ладу с детьми, привезти их на 41 – й километр, приобрести в местном магазине диван – кровать и позаботиться об устройстве дочки в общеобразовательную школу.

Первая ночь на новом месте прошла относительно спокойно. Мы с женой опробовали новую покупку на прочность, а дочка осваивала импровизированное ложе, сконструированное из полутора тысяч книг, собранных за время скитаний, и с которыми я категорически не хотел расставаться. Сын спал в детской кроватке.

Утром на семейном совете мы решили, что негоже терять целый год в обучении Леночки музыкальным наукам. Азы просвещения легче постигаются и закрепляются в молодости.

Я уже знал, что по всей округе только в одном месте находилась школа с классом фортепиано – в Центре подготовки космонавтов. Звёздный городок находился в одном перегоне электрички, и нас это устраивало. Но у меня не было ни знакомых, связанных с властями городка, способных замолвить за меня словечко перед ними, ни протекции, ни каких – либо иных выходов на цель. Зато по горло хватало напористости, нахальства и авантюризма. Отправляясь в поход, я предполагал, что городок находится в зоне особого режима и простому смертному туда не проникнуть. Однако я рассчитывал, что корреспонденту журнала «Авиация и космонавтика» двери заповедного места приоткроются. Кроме того, Слава Горьков, курирующий вопросы науки и космонавтики, накануне проинструктировал меня о линии поведения с тамошней охраной.

– Вездеход ты получишь попозже, а пока попробуй предъявить корреспондентское удостоверение и попроси встречи с начальником особого отдела. Думаю, в этом они тебе не откажут.

«Вездеходом» Горьков называл документ с особыми отметками, подписанный представителем компетентных органов, дающим право доступа предъявителя на режимные и закрытые объекты.

Моя «шестёрка», мягко скользя по заснеженному насту, двигалась вдоль глухого серого забора, сложенного из бетонных плит, за которым, словно солдаты на параде, плечом к плечу стояли вековые сосны. Такое же серое над головой небо до горизонта, нависшее над кронами, создавало иллюзию плотного зелёного потолка, и я, казалось, двигался в тоннеле, выхода из которого пока не предвиделось. Тщательно очищенная от снега дорога говорила о том, что по ней к Центру подготовки космонавтов имени Гагарина устремлялись не только именитые экскурсанты, но и персоны поважнее. Чёрная, отполированная до невозможности, будто только что сошедшая с конвейера «Волга» проскочила навстречу, брезгливо обдав меня снежными завихрениями. Наверняка проехал генерал. Я уже по опыту знал, что в новеньких лимузинах передвигаются именитые люди. Средства передвижения они меняют через каждые два года.

Наконец, за поворотом, словно нарисованные, возникли бело – синее здание проходной, железные ворота и небольшая стоянка по правую руку для служебного транспорта. Над приземистым зданием на флагштоке, уныло висело в безветрии авиационное знамя.

Не смея парковаться на служебной стоянке, я приткнулся в сторонке, закрыл машину и двинулся на штурм проходной.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – вскинул руку к головному убору постовой в новенькой, как копейка из-под станка, форме. – Прошу предъявить пропуск.

Ишь, как его вышколили. К такому на хромой козе не подъедешь.

– Вызови – ка ко мне старшего, любезный, – вальяжно и снисходительно попросил я, зная, что тон больше требования возымеет своё действие.

Через минуту младший сержант уже доложил о своём прибытии. О цели своего появления говорить с ним было бесполезно. Нужен был начальник, какой – либо офицер, имеющий отношение к пропускному режиму. Именно об этом я хотел попросить старшего. Не знаю, как бы долго продолжалась раскрутка снизу доверху и обратно, но мне повезло.

На проходной появился плотный приземистый подполковник в фуражке с высокой тульей, и я мгновенно узнал в нём моего старого приятеля по Польше Тольку Папшева. Вот уж, поистине, гора с горой не сходятся...

Сержант между тем, вытянувшись в струнку, дал команду смирно. Потом сделал шаг навстречу и лихо отрапортовал, что на вверенном ему посту происшествий не произошло.

Папшев скользнул по мне внимательным взглядом и отвернулся.

– Толя, чертяка, неужто не узнал?

– Почему не узнал? Узнал, – сознался Папшев, отпуская дежурного. – Ты мне надоел тысячу лет, – щуря раскосые глаза в улыбке, протянул он мне руку. – Какими ветрами?

– Попутными, Анатолий Иванович, попутными. А ты-то что здесь делаешь? Впрочем, вопрос задан дамский. И так вижу, что при деле. На чём подвизаешься? Или в космонавты подался?

– Как дураком был, таким и остался. И шутки у тебя дурацкие, – на полном серьёзе ответил Папшев. – Но раз ты здесь, значит по делу. Пошли со мной.

Постовой, лихо, вскинув руку к виску, безропотно пропустил нас на территорию таинственного гарнизона, и мне представилась аллея с бюстами космонавтов по обе стороны, припорошенными свежеснеженным снегом. В глубине аллеи просматривалось приземистое здание из стекла и бетона, очевидно, офицерский клуб. Справа, распластавшись по земле, словно солдат во время обстрела, виднелись кирпичные постройки непонятного назначения.

– Тренажёрный зал, – подтвердил Толя мои догадки.

– Так ты, говоришь, в журнале работаешь? – переспросил он, когда вошли в его небольшой кабинетик на первом этаже. – Это хорошо. Будем теперь встречаться почаще. По коньячку? – предложил Папшев, и, не спрашивая согласия, открыл сейф и извлёк тяжёлую бутылку «Наполеона». – Ну, за встречу!

Через четверть часа напряжение спало, и мой старый приятель стал откровеннее.

– Устроить дочку в музыкалку? Нет ничего проще, – с чувством превосходства произнёс он, набирая номер телефона. – Александр Иванович? Привет. Папшев говорит. Тут такое дело: надо бы принять девочку нашего сотрудника в класс фортепиано. Такое возможно? Тогда я его к вам подошлю.

– И все дела, – небрежно подытожил результаты переговоров Толя, возвращая трубку на место. – А теперь иди, – сказал он, взглянув на часы. – К нам должны гости подъехать из Венгрии. Эти делегации у меня вот где сидят, – и похлопал себя по шее. – Приезжай, познакомлю тебя с семьёй и с Центром.

Разговор с директором музыкальной школы времени занял немного. Ознакомившись с Лениными документами, Александр Иванович с удовлетворением дал добро, уточнил расписание занятий, помог оформить пропуск и отпустил восвояси.

Юрка Кисляков оказался прав, когда предупреждал, что за моей душой будет организована охота. Пару месяцев спустя ко мне снова подвалил Светлицын и, рассыпаясь в любезностях, пригласил на очередной мальчишник их мафиозной группы, в которую входили почти все журналисты, за исключением отдела боевой подготовки и Горькова.

– Собираемся в ресторане «Северный» сегодня в двадцать ноль – ноль. Приходи, не пожалеешь, – многообещающе и снисходительно сказал он, похлопывая меня по плечу. – Будет и Илья Александрович.

Возможно, я бы и дал согласие, но фривольное поведение меня возмутило. Я вообще не допускаю двусмысленностей в отношении со мной, оберегая свою независимость, и игривость Светлицына меня покорила.

– К сожалению, не смогу. Обещал жене, что вечером выедем к её родителям, – извинился я. – Может, в следующий раз?

– Ну, смотри, тебе виднее, – пожал покатыми плечами Светлицын. – Может, другого раза и не будет.

В его словах я почувствовал скрытую угрозу, но не обратил на неё внимания.

– Ничего, не умру, – пообещал я, бросил недокуренную сигарету в пепельницу и ушёл в отдел.

Анна, как всегда, колдовала над макетом очередного номера, фотокор Редькин, захлёбываясь от заикания, рассказывал ей какую – то занятную историю. Я с самого начала обратил внимание, что он дышит к ней неровно, чего она по-женски поощряла. Не знаю, как он работал до меня, но за последний месяц даже мне, профану в оформлении, стало понятно, что слайдов и чёрно – белых снимков явно нахватает. В командировках я не ограничивал подчинённого, и он аккуратно мотался по всему Союзу, но что он там делал, непонятно, привозя с собой десятка два банальных сюжетов. А из Хабаровска привёз три не цветных снимка. На эту тему мы с ним уже разговаривали, но Дмитрий Григорьевич, ссылаясь на объективные причины, намекал на то, что мне, не профессионалу, понять их трудно.

– Вы вот что, вы пишите мне, если недовольны, сюжеты снимков, – сказал он тогда, и я, рассердившись на его хамство, сдуру поначалу набрасывал ему картинки, соответствующие написанным статьям и очеркам. Заказы мои Курбатов выполнял с оскорбительной точностью, но не более того.

– Дима, – пытался я его вразумить, – вы называете себя творческой личностью, но где оно проявляется в ваших материалах? Даже слайды на обложку – визитную карточку номера, как две капли воды похожи друг на друга. У вас совершенно отсутствует фантазия.

– А вы покажите пример, – нагло заявил подчинённый, саркастически улыбаясь.

С тех пор, отправляясь на задание, я брал с собой редакционную немецкую камеру «Лейку» и привозил с собой более – менее необходимые слайды. Мало того, если они проходили в номер и публиковались, за них прилично платили, и для меня проблемы с заначкой разрешились сами собой.

Редькин, уверившись, было, в моей беспомощности, приуныл. По существу, я отбирал у него хлеб. Гонорар, составляющий более половины его оклада, уплывал на сторону.

Отношения наши после разговора со Светлицыным ещё более обострились. Нет, внешне он относился ко мне подчёркнуто уважительно, но за его улыбками и холодным взглядом угадывалось желание как – то насолить непокорному новичку. Сделать это было несложно. Опыта – никакого, защиты – никакой. А Редькин явно игнорировал распоряжения своего начальника. И до меня дошло, что мой подчинённый пляшет под дудку Максима. Естественно, терпеть это стало невозможно, и я крепко задумался о пересмотре кадров. Тем более, что среди знакомых и товарищей по роду своей работы у меня появились настоящие молодые фотокоры, мечтающие попасть в редакцию нашего славного журнала. Но без поддержки и одобрения руководства задумки мои осуществить было невозможно.

Главный редактор, между тем, неустанно учил меня уму – разуму, не оставляя надежды на спасение. И я приятно удивился и обрадовался, когда через год он пригласил нас с Ладой к себе в гости. Не знаю, с какой целью он это сделал, такие вещи не происходят спонтанно, особенно на высоком уровне, но так или иначе в назначенный срок мы явились к Мионову на квартиру, расположенную в одном из сталинских домов на Кутузовском проспекте. Дом охранялся нарядом милиции, и прежде, чем попасть на четвёртый этаж, мне пришлось вести разговор о цели своего визита с гражданским типом на улице и в подъезде с консьержкой.

Старый лифт, закованный в железную клетку, хрустя несмазанными суставами, медленно втащил нас на ухоженную площадку и тупо остановился. Мы вышли, и перед нами тотчас распахнулась высокая дверь, оббитая светло-коричневым дерматином.

– Ждём, ждём, – широко улыбаясь, сказал Илья Александрович, одетый в кремовую рубашку и светлые брюки. На ногах его пестрели мягкие домашние тапочки. – Проходите, не стесняйтесь.

В прихожей стояли две нарядные миловидные женщины, как две капли воды похожие друг на друга. Не нужно быть гением, чтобы понять, что перед нами были мать с дочкой. Жене Главного было лет сорок, но она молодилась, красила волосы и дружила, судя по запаху, с изысканной парфюмерией. Она жеманно протянула холёную руку для знакомства. На запястье блеснул золотой браслет с украшениями из камней, то ли рубинов, то ли гранатов, я в драгоценностях разбираюсь плохо, а открытую шею украшал кулон на короткой цепочке. Светло-коричневый костюм удачно сочетался с блеском золота.

– Моя жена Надежда, – представил Илья Александрович супругу, пока я тряс её мягкую ладонь. – А это – дочь Оксана, студентка МГУ, будущая журналистка, – сказал он не без гордости в голосе.

– Очень приятно, – как можно проникновенней прореагировал я и, в свою очередь, назвал слегка оторопевшую жену.

– Какой роскошный костюм! – восхитилась она, плеснув чуточку елея на самолюбие хозяйки. – Из Франции?

И женщины, забыв о нашем присутствии, заговорили о тряпках.

– Пойдём, познакомлю с квартирой, – предложил Олег, – и, не дожидаясь моего согласия, повёл за собой.

Кроме гостиной, двух спален, большой кухни – столовой и помещений первой необходимости, у хозяина был личный кабинет. У широкого окна стоял массивный полированный стол, на котором прямо по центру возвышался бронзовый письменный прибор с пресс-папье, украшенный фигуркой льва. По левую и правую руку до самого потолка на стеллажах покоились ряды книг в золотистых кожаных переплётах. Многие фолианты выглядели старыми и потёртыми. Не трудно было догадаться, что они пользовались спросом.

– Ого! – не в силах скрыть восхищения, удивился я. – Да у вас и Даль есть!

– И не только. Вот, посмотри, – открыл Миронов дверь книжного шкафа и доставая небольшой томик в красном переплёте с золотым теснением, – собрание сочинений Пушкина от 1887-го года!

Господи, какой раритет! Это ж каких денег он у антикваров стоит!

Я с вожделением, будто принимал переполненный стакан, взял в руки бесценную реликвию и открыл страницу наугад. Это было знаменитое стихотворение «КЪ А. П. КЕРНЪ». Я его с первых строчек узнал, хотя незнакомый шрифт и яти читать мешали. И вот какое удивительное совпадение: две недели назад я ездил в командировку в Торжок, где находился Центр переучивания лётного состава на новые типы вертолётов. Командиром базы, как оказалось, был мой одноклубник Коля Анисимов, переведённый из знаменитой Могочи. Он познакомил меня с вертолётom – гигантом «Ми – 26», на котором летал и на котором через два года разбился на взлёте вместе с экипажем, царство им небесное.

Я уже собрал необходимый материал, когда мне, в рамках культурной программы, предложили экскурсию по местным достопримечательностям. Мне показали место дуэли князя Львова, два булыжника метров в тридцати друг от друга, от которых, по преданию, стрелялись соперники, а потом отвезли на могилу Анны Керн. Она, по версии, ехала во Францию, но по пути простыла и умерла недалеко от Торжка. Похоронили возлюбленную Пушкина на церковном кладбище. Скромная, ничем не примечательная могила, каких в России сотни тысяч, если

бы не надпись на тёмной гранитной плите, прижимающей небольшой холмик: начальное четверостишие непревзойдённого стихотворения «Я помню чудное мгновенье...»

– Третье издание Суворина! – с нескрываемым удовольствием проговорил Илья, так, будто напечатал книгу в личной типографии. – Жаль, что не всё сохранилось.

– Мужички, не проголодались? Пора к столу, – пригласила нас Надежда, неожиданно появляясь в дверях.

– С полным удовольствием, – согласился Миронов, закрыл стеллаж, сделал приглашительный жест и последовал за женой.

Круглый стол, накрытый парадной скатертью, блистал приборами, хрусталём, напитками и закусками. Традиционный салат «Оливье», тонко нарезанная копчёная колбаска, нежная, с прожилочками, осетринка холодного копчения, баночка крабов на подставке, швейцарский сыр, – всё это великолепие разжигало аппетит и звало к себе.

– Сейчас мы его оприходуем, – потирая руки, взял бутылку «Белого аиста» Илья. – Давно его не пробовал, – приговаривал он, наполняя рюмки. «А ведь врёт», – подумал я, вспоминая, как накануне приметил точно такую же бутылку в толпе других в приоткрытом сейфе шефа. И Кисляков говорил, что вином Миронов полегонечку балуется. Впрочем, какое мне до этого дело? Шеф должен быть вне подозрений.

– И как это его беспартийные пьют? – пошутил он. – Вам, девушки?

Но «девушки» хором выразили желание испить вина. Уже раскупоренная бутылка «Хванчкары» прошла по кругу, и Илья, не садясь, произнёс тост:

– Мы рады видеть за нашим столом молодого перспективного журналиста, – наклонил он голову в мою сторону. – Мы так же рады, что у него хороший вкус (на этот раз – поклон в сторону моей половины). Сознаюсь, что я долго искал кандидатуру на ключевое место в журнале, и в конечном итоге не ошибся. Ваша работа достойна похвалы. Вот за это и выпьем!

Речь Миронова мне не понравилась. Не такая уж я фигура, чтобы в честь её пели дифирамбы. Но в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Я только сказал «спасибо».

Все оживились, раздался тонкий звон хрусталя, потом наступила минута молчания, нарушаемая перестуком ножей и вилок.

Я с удовольствием ел буженину и поймал себя на мысли, что думаю об источниках изысканных блюд. Наверняка шеф пользуется привилегией государственных чиновников и партийных бонз и отоваривается на закрытых складах и спецмагазинах, возможно даже в «Елисейском», который по ассортименту мог бы соперничать с Третьяковской галереей. Простому смертному такие деликатесы не по карману. Да и недоступны тоже. Только элита пользовалась негласными кормушками. Попастъ в список льготников считалось престижным, и не только потому, что решало проблемы быта: статус такого счастливчика резко возрастал. Вся страна съезжалась в Москву за продуктами, поступающих в столицу со всех областей. Ходили упорные слухи, что Правительство и лично товарищ Гришин, занимающий пост первого секретаря обкома партии, распорядились создать в Москве видимость изобилия, чтобы не травмировать психику иностранцев пустыми полками. Шла борьба за престиж советского государства, которому через двадцать лет обещано было жить при коммунизме.

После третьей опрокинутой стопки я, по привычке, вышел покурить на площадке. Илья Александрович увязался за мной. Разговор шёл о работе. И это естественно. Авиаторы за пьянкой обсуждают деловые моменты, а на работе судачат о женщинах.

Я высказал пожелание обновить фотоаппаратуру и приобрести, наконец, собственную проявочную машину для слайдов, без которой хоть караул кричи.

– Мыслите вы, безусловно, правильно, – поддержал меня слегка подвыпивший Миронов, – но она уйму денег стоит. И не просто денег, а валютой. Без поддержки сверху наша инициатива обречена на провал. У меня есть определённые связи с руководством, но одного меня мало. Говорят, у вас неплохие отношения с Батехиным?

Вот в чём собака была зарыта! Вот почему шеф пригласил в гости неизвестного в пишущих кругах подчинённого. Ему нужна была информация из первых уст о моих связях с Лукичом. Но он забыл (игнорировал?) про одно журналистское правило – никогда и ни с кем не делиться лично добытыми сведениями, потому что они представляют материальную ценность. Поделиться информацией – всё равно, как вытащить деньги из своего кармана и отдать себе-седнику.

– Илья Александрович, – изобразил я на своём лице как можно естественней изумление, – слухи эти явно преувеличены. Ну, какие, скажите на милость, могут быть отношения между обыкновенным клерком и государственным мужем? Служил, конечно, под его началом. Но и только.

– Да? – с сомнением посмотрел на меня Миронов. – А мне говорили...

– Да мало ли о чём говорят? Вышло недоразумение, – позволил я себе прервать шефа. – И давайте забудем об этом.

Потом потушил сигарету, поискал глазами, куда бы её деть, и спрятал чинарик в карман.

– Не возражаю, – с облегчением согласился он, и напряжение в его глазах исчезло.

«А ведь побаивается, старый лис, – неожиданно для себя я сделал вывод. – Бойтся за своё кресло. Но мыслит логически и с перспективой. Мне – то его должность пока до фени. Мне бы только за Москву зацепиться, прописку получить. А там – время покажет», – так я думал, шагая за спиной старого разведчика.

– Что ж, я подумаю о ваших проблемах, – пообещал мой шеф. – Но и вы, по возможности, зондируйте почву на предмет вооружения отдела.

– Это мой долг и моя головная боль, – заверил я...

– Хорошая семья, – сделала свой вывод Лада, когда мы по пути домой высказали свои впечатления о Мироновых. – И угощают славно, и разговор поддержать могут. Учись, подполковник.

О моём визите на квартиру Миронова, конечно, прознали. В редакциях, как и на зоне, таких вещей не утаишь. Откуда просочилась информация, непонятно. Скорее всего, от самого Главного. Скрывать и отрицать этот факт я не собирался. И когда Юрка Кисляков спросил напрямую, действительно ли я удостоился такой великой чести, ничего не оставалось, как кивнуть. Он пристально посмотрел в мои глаза, с жалостью покачал седой головой сбоку набок, словно увидел перед собой убогого и саркастически скривил губы:

– Это мы тоже проходили. Только учти, что не такой Илья Александрович хлебосол, чтобы чинить подчинённым добро. Мягко стелет, да жёстко спат.

– Что же мне – нужно было отказаться? Это не Светлицын, настойчиво вовлекающий меня в свою компанию. Это Главный, который может съесть меня с потрохами. Игнорировать его опасно.

– Тьфу, – притушил Юрка окуроч, – до чего ты наивный человек! Неужели непонятно, что и Светлицын, и Белов и Бессонов, – все они из одной шайки – лейки? Эти ретрограды добиваются абсолютной власти в журнале. В зародыше давят любую свежую мысль. А во что его превратили? В наставление по производству полётов. Ты поспрошай рядовых лётчиков, кто его читает? Да никто, кроме начальства. И только потому, чтобы блеснуть при случае своей эрудицией в глазах руководителей бесчисленных инспекций и проверок. Тираж журнала катастрофически падает. Не будь давления политорганов на авиаторов при проведении подписки, мы бы давно вылетели в трубу.

В принципе, Кисляков, конечно, прав. Мне, прослужившему в боевых частях два десятилетия, и самому приходилось заниматься подписными компаниями. Я знал, как непопулярен журнал. И дело не в цене. Причём здесь стоимость? Ребята в один голос заявляли, что надоело

читать пересказы инструкций и указаний. Нет на его страницах живинки, авиационного сленга и юмора, нет опыта, на котором можно было бы поучиться.

– Откровенно тебе скажу, – разволновался Кисляков не на шутку. – По большому счёту – журнал номенклатурный. Ты посмотри на авторский список. Одни и те же фамилии годами публикуются с завидным постоянством. Боевому лётчику здесь не пройти. Что с него возьмёшь? А вот с тыловика или, скажем, с известного медика, что-нибудь можно и выдоить. Путёвку, к примеру, в престижный санаторий в бархатный сезон.

– И – что, Миронов этого не видит?

– Может, и видит, да не желает конфликтовать. А критики не терпит. Вот и увиваются вокруг него удобные люди, льстецы и подпевалы. Одним словом, окружил себя подхалимами и занял круговую оборону. Так что будь осторожен. Не верь данайцам, дары приносящим...

Между тем, Светлицын не терял надежды перетянуть меня на свою сторону. Руководя отделом пропаганды и агитации, он, по совместительству занимался вопросами культуры и быта, и ему было решать, кому выделить путёвку в пионерский лагерь, кто достоин посещения театров и премьер – концертов по бесплатным билетам, выделяемым профсоюзом Управления ВВС, кому отдыхать в подмосковных домах отдыха. Формально все эти вопросы решал шеф, но он уже давно передоверялся подчинённому и безоговорочно соглашался с его предложениями. Все эти крошки с барского стола отдел боевой подготовки обходили стороной. Я как – то выразил своё удивление по этому поводу, но Светлицын, глядя на меня с укоризной, пояснил, что кисляковцы постоянно отказываются от предложенных благ. Вот вы – то человек независимый, самостоятельный, подчёркивал он, вы сами можете решать, идти вам на эстрадный концерт с участием Хазанова, или обождать до лучших времён.

Как ни заманчивы были предложения, но и я мягко от них отказывался, объясняя тем, что живу в Подмоскowie, а детей оставлять не на кого. Светлицын понимающе кивал, однако по всему было видно, что терпение его кончается.

Недовольство моей ослиной неуступчивостью я ощутил вскоре на своей работе. Доверительные отношения с ведущими специалистами по оформлению средств массовой информации, создаваемые мною, стали пропадать, словно цвет у плохо закреплённой фотографии. В общем, среди столичных журналистов всегда существовало негласное чувство локтя. Все они испытывали определённую нужду в решении рабочих проблем, понимали озабоченность коллег, и в меру своих возможностей оказывали посильную помощь, рассчитывая, в свою очередь, на взаимную поддержку. Но с некоторых пор я стал испытывать некоторое отчуждение у знакомых ребят. То неделями приходилось бомбить отдел технических средств пропаганды, выбивая плёнку и фотобумагу, то вдруг отказывали в фотохронике ТАСС, «Плакате» или в «Красной звезде» изготовить слайды. То приходилось вдруг до хрипоты в горле спорить с нашим цензором полковником Ермолаевым, доказывая, что представленный материал не содержит никакой секретности и давно опубликован в западной прессе. Нет, мне не отказывали в услугах, но обещали выполнить их попозже, дня через два – три, заставляя выполнять несколько заходов при решении одного и того же вопроса. Бессонов беззастенчиво и необоснованно браковал сюжеты, привезённые из командировок Редькиным, обвиняя меня в неспособности руководить подчинёнными. Стараясь смягчить тяжеловесные удары ниже пояса этого хлюпика, Обухов вставал на мою защиту, но с переменным успехом. Искусством унижать подчинённых Евгений Иванович овладел в совершенстве.

Юрий Александрович Кисляков со своими подчинёнными тоже вставали на мою защиту во время планёрок, доказывая, что качество оформления журнала с моим приходом ничуть не ухудшилось, но, оставаясь в меньшинстве, терпел неудачи. Я становился изгоем.

Участие в моём гонении принял и любитель юмора и сатиры полковник Застрожных. Не сам, а через секретаря квартирной комиссии, он предложил мне освободить ведомственную квартиру в недельный срок.

– Так получилось, товарищ подполковник. В Польше погиб капитан Фомин, и Главком ВВС приказал выделить для семьи погибшего свой резерв, который вы временно занимали.

– А мне куда, на улицу? – скривил я подобие улыбки, понимая, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

– Ну, зачем же так грубо? Езжайте на проспект Мира, там функционирует квартирное бюро, поговорите. Там же и тусовка по сдаче и найму жилплощади.

Когда я рассказал об этом Юрию Александровичу, он крепко выругался и сказал:

– Ну, не сволочи? Похоже, что ты у них под колпаком. Но не дрейфь, всё равно провёмся. В крайнем случае, пойду к своему покровителю генералу Голубеву. Сергей Васильевич в обиду не даст.

О Голубеве я узнал от Кислякова недавно. Он был заместителем главнокомандующего ВВС. Боевой офицер, штурмовик, выполнивший во время войны более двухсот самолётовых вылетов. В одном из воздушных боёв был сбит и попал в плен. Но фортуна лётчику улыбнулась. Когда его подвели к вырытой могиле, и взвод автоматчиков готов был расстрелять молчуна, с ним неожиданно решил переговорить командующий румынской армии. Расстрел временно отменили, но допрос не состоялся. Наутро началось наступление, и Голубев сумел бежать с остальными заключёнными.

Ему пришлось бежать и во второй раз, но уже из ГУЛАГа. И только в сорок восьмом его реабилитировали и вернули все награды.

– Кстати, – вспомнил Кисляков, ты как – то упоминал о знакомстве с генералом Боровых. Андрея Егоровича я тоже хорошо знаю. Крепкий орешек.

– Всё это так, – согласился я. – Но давай не торопить события. Дальнобойную артиллерию запустим в последний момент. А пока надо и подручные силы задействовать.

– Ну, смотри, тебе виднее. Только помани моё слово: эти стервятники не успокоятся, пока на твоём теле будет хоть клочок мяса.

Как всегда, Юрка оказался прав. Не прошло и недели, и Светлицын подвалил с новым предложением:

– У Белова скоро день рождения, – поймал он меня в курилке. – Если хочешь, присоединяйся. Будем отмечать в ресторане на Новом Арбате.

Странно. Более, чем странно. По логике вещей приглашать надо бы самому имениннику. Или Светлицын взял на себя роль распорядителя? Возможно, что и так. С Беловым у меня сложились нейтральные отношения. Работаем в одном коллективе, а друг друга чураемся. Никто никому не должен. Меня это устраивало. Я жил по принципу: Боже, спаси меня от друзей, а от врагов я сам избавлюсь. Вполне возможно, что Юрий Никитович опасался получить отказ. Гордый и самолюбивый, он не стерпел бы этого. Но, с другой стороны, я ему зачем – то понадобился? Или это была новая попытка создать напряжёнку между моими отношениями с Кисляковым? Ка – ак? Он тоже приглашён на званый ужин? Тогда другое дело. Может быть Беловский юбилей – только повод к встрече враждующих сторон, на которой будет выкурена трубка мира?

Ресторан «Прага», куда я был приглашён, считался престижным не только среди московской элиты. Это было место деловых встреч, званых ужинов, банкетов, юбилеев и торжеств состоятельной публики, членов Правительства, партократии, представительств и посольств.

Внутри легендарного питейно-развлекательного центра я никогда не был. Две – три попытки взять его штурмом во время коротких наездов на Москву успеха не имели. Гордые и неподкупные швейцары насмерть стояли, защищая его от проникновения толпы, жаждущей оставить свои деньги в стенах популярного заведения.

В канун семейных торжеств и праздников, выстаивая длинные очереди за популярным тортом «Птичье молоко», продававшемся из пристроенного к ресторану магазинчика, я наслу-

шался немало исторических рассказов об этом заведении. В частности, узнал, что он основан в начале девятнадцатого века купцом Семёном Тарарыкиным, что быстро завоевал популярность среди университетской профессуры, преподавателей консерватории, художников и писателей. Здесь бывали Толстой и Бунин, Горький и Куприн и здесь же проводились «Рубинштейновские обеды» в память основателя консерватории Н. Рубинштейна и даже состоялся банкет по случаю реставрации картины Репина «Иван Грозный и сын его Иван».

После революции о былой славе ресторана забыли, персонал разбежался, и здание отдали на откуп магазинов, столовой Моссельпрома, коллективу безработных и школе поваров. И только в 1955 году, к дню десятилетия освобождения столицы Чехословакии, его отреставрировали и вновь открыли. И вскоре «Прага» засияла звездой первой величины.

Жить в Москве и не побывать в «Праге» – преступление! Особенно, если это на халяву. Исходя из меркантильных соображений, я дал Светлицыну своё «добро».

Ровно в семь вечера уже по-хозяйски тарабанил кулаком в тяжёлую стеклянную дверь, призывая внимание швейцара к своей важной персоне. Усатый дядька в синем блузоне и фуражке с кокардой, в таких же синих штанах с лампасами, как у авиационного генерала, быстро отворил дубовые двери и с поклоном пропустил в просторный вестибюль. Наглость, по всему было видно, здесь уважали.

– По приглашению! – небрежно и веско бросил я с саркастической улыбкой, узнав мужика, который три года тому назад меня не пусти даже за красненькую.

– В какой зал изволите следовать? – с подобострастием спросил держиморда.

– В «Бирюзовый».

Детина мельком взглянул на извлечённую из широкого кармана картонку, мгновенно отыскал мою фамилию и ещё раз откланялся:

– Проходите, раздевайтесь.

Через пять минут вылощенный метрдотель в безупречном костюме цвета морской волны, в полупоклоне встретил меня на пороге и с достоинством проводил к столу, за которым уже сидели мои братья по перу.

Юрий Никитович, в строгом чёрном костюме и безупречно выглаженной белой рубашке, вышел навстречу, сердечно пожал протянутую руку и с улыбкой проводил к свободному месту. Сам он, на правах именинника, сидел во главе богато сервированного стола. По правую сторону от него на венском стуле утвердился фигура Главного, по левую – коротышка Бессонов, остальные ребята расположились в соответствии табеля по рангам.

Кислякова среди собравшихся не было. Я и не удивился, зная татарское упрямство своего друга и верность однажды принятым решениям. Зато рядом со мной оказался давнишний мой знакомый Андрей Василец, литературный редактор из отдела очерка журнала «Советский воин», а напротив – Вася Захарько, корреспондент газеты «Известия». С Андреем я был знаком давно, ещё со времён обучения в Военно-политической академии. Парень мне нравился за мужскую красоту, беспечность, граничащую с безалаберностью, и способность излагать свои мысли коротко и просто. Я относился к подполковнику с уважением. И не потому, что в прошлом он принадлежал к когорте крылатых бойцов, но, прежде всего, за умение отстаивать свою независимость и достоинство.

Все гости, словно сговорившись, были в цивильном, вели себя раскованно, и только я в военном мундире чувствовал себя белой вороной. Это не есть гут, но виноват сам: поинтересовался у Светлицына о месте и времени встречи, но забыл спросить о форме одежды.

Ребята, судя по поведению, уже махнули по маленькой, весело стучали вилками и оживлённо разговаривали.

Прекращая шум, встал из – за стола Владимир Иванович:

– Не буду повторяться, наш Главный кормчий уже высказал пожелания виновнику торжества, – с почтением опустил он рюмку в сторону Миронова, – и с ними нельзя не согласиться. Хочу лишь добавить: чтобы елось и пилось, чтоб писалось и моглось!

Импровизацию оценили, за столом раздали аплодисменты, и все дружно выпили.

Через час, подпитые и сытые мужики, разбившись по парам, оживлённо разговаривали на темы по интересам. Молодой, лощёный и вышколенный официант изредка, кошачьей походкой, скользил за нашими спинами, внимательно осматривал стол и убирал лишнюю посуду.

Заиграл оркестр, и наши офицеры закружились в вальсе с избранными ресторанными женщинами. Воспользовавшись перерывом, я отвёл Белова в сторону, поблагодарил за гостеприимство, объяснил о квартирной проблеме, о завтрашней поездке на проспект Мира, и по-английски смылся с мальчишника.

Уже на лестнице меня догнал наш официант. Я, было, подумал, что забыл за столом какую – то вещь, но дело оказалось в другом:

– Вы уж извините, но краем уха я услышал, что вам требуется частная площадь?

– Верно, нужна, – кивнул я. – У вас – что, есть какое – то предложение?

– Именно так. Двухкомнатная квартира в Марьино. С видом на Москву – реку, со всеми удобствами, на четырнадцатом этаже. До центра – не более часа. И цена подходящая – сто двадцать рэ в месяц.

– Клопы, тараканы есть?

– Избави Бог! – скривил брезгливую гримасу официант.

– Тогда давайте адрес. Завтра в четырнадцать часов приеду на смотрины.

Нет худа без добра. Но и добра без худа не бывает.

...Ладе квартира пришлась по душе. Просторная, светлая, чистая и тёплая. Чего ещё надо для залётной семьи военнослужащего?

Через неделю мы с сожалением расстались с жильём на сорок первом километре, и бросили якорь в самой столице. Но чтобы получить статус москвича, нужна была прописка и приказ, подписанный самим Министром Обороны! Власти Главкома ВВС для этого не хватало.

В понедельник я встретился с Кисляковым и высказал своё неудовольствие по поводу щекотливого положения, в которое он меня поставил.

– Извини, старик, так получилось. Жена внезапно расхворалась, не до веселья было, – оправдывался он без тени огорчения на лице.

– Мне – то зачем лапшу на уши вешать? Или перестал доверять после моего похода к Миронову?

– Что за чушь? У меня нет оснований сомневаться в твоей порядочности. Ну, не пошёл – и не пошёл. И давай закроем эту тему, – поморщился он и протянул тонкую и длинную ладонь навстречу примирению.

По мере накопления практических навыков во мне проснулся интерес и к взаимоотношениям полов в нашем коллективе. Несмотря на рабочий формализм в общении, скрыть симпатии и антипатии между офицерами и служащими – женщинами не представлялось возможным. Короткие мимолётные улыбки, цветочки и шоколадки, искромётные взгляды и оборванные диалоги при моём появлении, чай в перерывах на перекур и некоторые двусмысленности в разговорах позволяли нарисовать картину не очень строгих правил между людьми. Я не ханжа, и снисходительно наблюдал за неловкими знаками внимания, которыми оделял Анну мой фотокор Редькин. Парню исполнилось тридцать лет, он был женат, имел двоих детей, но перед сослуживицей в минуты общения краснел, как первоклассник, волновался и ещё заметней начинал заикаться. Как и всякая женщина, Анна интуитивно чувствовала неадекватность поведения фотографа и снисходительно принимала его ухаживания. Не сумевшая выйти замуж во – время, она уже твёрдо уверилась, что навсегда останется старой девой, и знаки внимания мужчин принимала с душевной радостью.

В отдел частенько захаживал и майор Серов, подчинённый полковника Лебедева, курирующий вопросы инженерного обеспечения в боевых частях. Гена Серов слыл в редакции человеком тихим и безобидным. Вкрадчивая манера разговаривать, торопливое стремление услужить, способность поддерживать беседу на любую тему создавали впечатление «своего» парня. Он тоже был женат и по слухам находился под каблуком супруги – стервы, которая регулярно обчищала его карманы, не оставляя даже мелочи. И если бы не гонорар, который Серов хранил в сейфе своего шефа, ходить бы ему вечно в денежной кабале у своих приятелей.

Как всякий закомплексованный и затюканный человек, Гена яростно отстаивал свою независимость и достоинство и не позволял зубоскалить над собой по поводу и без повода. Всякие приколы и шутки в свой адрес он воспринимал, как оскорбление, и тогда речь его наполнялась сарказмом и ехидством, маленькие, как у ласки, глаза темнели и наливались злостью и презрением к обидчику. Тем не менее, за ним прочно закрепилась репутация дамского угодника.

Внешне Гена выглядел вполне привлекательно. Среднего роста, в меру подтянутый, с претензией на спортивную фигуру, тщательно выбритый и слегка надушенный, аккуратный и выглаженный, он олицетворял собой среднестатистические данные сорокалетнего советского интеллигента. Широкий и высокий лоб его прикрывала русая чёлка, прижатых ушей почти не было видно, зато сияли безупречно ровные белые зубы, этого не отнимешь. Про их привлекательность майор знал, видимо, не один час простоял перед зеркалом, и потому в общении со слабым полом много улыбался. Но более всего он нравился нашим девочкам за способность говорить по душам и на равных обсуждать чисто женские пикантные проблемы.

С Анной наш герой вёл бесконечные беседы на театральные темы, о последних выставках и вернисажах, сплетничал о закулисной жизни кинозвёзд и космонавтов, проявляя при этом такие познания и подробности, как будто был участником описываемых событий. Воркующий голос майора внушал уважение и заставлял верить в достоверность его рассказов.

При появлении Серова Редькин начинал нервничать, ещё более заикался и, как человек недалёкий, злость свою не скрывал, брал под сомнение байки майора, стараясь потушить вспыхивающий интерес в глазах Анны.

Соблюдая нейтралитет, я в душе посмеивался над нравственным поединком этой троицы. В принципе, я тоже не прочь поволочиться за какой-нибудь пампушкой. Большого греха в этом нет, а польза существенная. Любовная интрижка отвлекает от монотонной рутинной работы, возбуждает и вливает порцию адреналина в застоявшуюся кровь.

Среди женского персонала редакции кроме Анны заслуживала внимание Наташа Чулкова. Высокая, статная, крепкая, она была наделена настоящей русской красотой. Огромные голубые глаза, пухлые, с обворожительными ямочками щёчки и пунцовые губки невольно притягивали взгляд, заставляя мужчин останавливаться на улице и раскрывать рты от потрясения. Чертовка знала о своей неотразимой привлекательности и, будто дразня офицеров, носила в меру декольтированные платья. Из-под выреза интригующе выпирали краешками полные белые груди, образуя соблазнительную ложбинку, украшенную золотым кулончиком. Длинные ноги, крутые бёдра и лебединые руки обещали счастливчику настоящую усладу в любви. К сожалению, и у неё имелся существенный недостаток: она была замужем.

В юности я считал, что красивые девушки для меня недоступны. И потому обходил их стороной, полагая, что таким уродцам, как я, на успех рассчитывать бесполезно. И всё ломал голову, с кем же они кувыркаются в постели. Это каким красавцем надо быть, чтобы соблазнить таких прелестниц. Так продолжалось до тех пор, пока не посмотрел фильм «Собор Парижской богоматери». И успокоился. И понял, в чём суть поговорки «любовь зла, полюбишь и козла».

Наташа была исключением из правил. Не знаю, как она блула себя за пределами редакции, но нашим ловеласам давала «полный отлуп». С кем произошёл первый конфуз, когда и

при каких обстоятельствах – история умалчивает, но авторитет Чулковой с тех пор заметно вырос. Мужчины уважают непокорных. Хрупкие создания у них не в цене.

Половина женщин, работающих в редакции, курила, и все обожали кофе. Может быть потому, что эта привычка досталась им вместе с дипломами о высшем образовании. Смолить сигареты в институтских коридорах считалось модным, а длинные, тонкие, женские – престижным. Где они их доставали – непонятно: в Союзе такой продукции не производили.

Чаще всего на площадке, отведённой для курения, появлялась машинистка Саша. До бальзаковского возраста она ещё не доросла, но уже была достаточно эрудированной особой по части обольщения и любовных утех. Женщине хотелось замуж, и потому она модно и броско одевалась, в полном объёме использовала парфюмы и макияж. Не знаю, как это действовало на других, но её чары на меня не волновали. Умой её получше, и за слоем краски и румян увидишь серые щёки, серые, запавшие глубоко в глазницах гляделки, бледные, малокровные тонкие губы и острый мефистопольский подбородок. Словом, серая мышь, смотритель музея антропологии. Короткая подстрижка и лёгкий, почти неуловимый пушок над верхней губой делали её лицо юным, но вся фигура не давала усомниться, что перед тобой женщина. Привлекательной её можно было назвать с большой натяжкой и, по-моему, девушка это хорошо сознавала. Но среди товарок она выгодно отличалась тем, что на всякое событие в жизни имела своё собственное мнение. Подчас спорное, но, как правило, смелое и оригинальное. Редакцию она называла стойлом для быков, равнодушно пережевывающих жвачку и мычащих при виде хозяйина, столицу – полигоном для выживания, а политику – идеологией оголтелого социализма. Выскажи она свои суждения лет десять назад, – её бы непременно прописали на Соловки или в дурдом. Но на дворе были восьмидесятые, разгар политической оттепели, и силовые структуры снисходительно терпели высказывания всяких там ворчунов и диссидентов: собака лает – ветер носит.

С Александрой мы сошлись на спорах о Есенине. Началось с того, что в курилке ей не понравился мой взгляд. Она глубоко затянулась и, глядя на меня в упор, процитировала:

– «Что ты смотришь синими брызгами? Или в морду хошь?».

– «Я такую, как ты, не первую. Немало вас. Но с такой, как ты, со стервою, лишь первый раз» – поддержал её я. – Какой был человечиче! Современный Пушкин! И зачем ему приспичило повеситься в зените славы?

– Он не повесился, его убили! – возразила Шурка и стала приводить неизвестные мне факты в подтверждении своей версии. Если всё, о чём она рассказала, было правдой, то сомнения мои в насильственной смерти поэта заметно пошатнулись. Но меня удивили не доказательства, а сама компетентность оппонентки о его личной жизни. Даже моя жена Лада, написавшая дипломную работу о творчестве Есенина, не знала и половины того, что за пять недолгих минут выпалила поклонница дамских сигарет.

С тех пор и повелось. Дымили и разговаривали, ходили вместе в нашу столовую, гоняли чай в минуты затишья, перекидывались репликами при пересечениях. Мне нравилось её слушать и удивляться широкой эрудиции, ей необходим был терпеливый слушатель. И вскоре я поймал себя на мысли, что не такая уж она дурнушка, что матушка Природа никого не обидела, компенсируя невзрачную внешность другими достоинствами, например, интеллектом, и чтобы пренебрегать ею, как женщиной, не в моём характере. «Интересно, – думал я в тот момент, когда она с воодушевлением рассказывала о творчестве Байрона, – а в кровати она так же красноречива?». Господи, какие неожиданно пошлые и дикие мысли появляются в наших головах!

Но чему быть, того не миновать. Так говорила моя мама – оптимистка в моменты потерь и неудач. И у меня нет оснований сомневаться в её мудрости. Всё в нашей жизни предопределено таинственными и всемогущими силами. И если на роду вам суждено умереть в авиационной катастрофе, не сомневайтесь: так оно и будет. Что касается меня, то я бы предпочёл свою кончину в секунды оргазма. Красиво и приятно.

Был месяц май, разгар весны, когда наши чувства обостряются, когда воздух пропитан флюидами любви и когда щепка лезет на щепку. Предвыходной короткий день подходил к концу, и я уже прикидывал, как проведу субботу. Дочка давно просилась свозить её в Панораму, а Лада достала билеты в театр Эстрады на молодого, но уже популярного выпускника «кулинарного техникума» Геннадия Хазанова.

Журналисты и служащий персонал потихоньку сматывались с работы. У каждого находилась веская причина. Я тоже приготовил версию для Обухова о крайней необходимости забрать из Центрального военного универмага заказ на цветную плёнку. Тем более, что Курбатов уже жаловался на меня ответственному секретарю по этому поводу. Плёнка лежала в моём сейфе со вчерашнего дня, но я не торопился обнародовать свою удачу. Приятно, знаете ли, сознавать при игре в преферанс, если у тебя на руках неубойный мизер.

Перед тем, как отправиться к Обухову, я решил перекурить. Александра, как часовой на посту, меня уже поджидала и явно нервничала. Её длинные тонкие пальцы заметно дрожали, когда она стряхивала пепел в урну.

– Ты что, в детстве кур воровала? – пошутил я. Незаметно для обоих мы уже давно перешли на «ты». – Что – то случилось?

– Да сестра позвонила. Мы вместе живём. Потеряла, говорит, ключи от квартиры, а у неё свидание, надо переодеться. Не подбросишь? У тебя же машина...

На покрасневшем Шуркином лице читалась неподдельная озабоченность. Просьба застала меня врасплох, и отказать в такой малости не поднималась рука.

– Далеко ли живёшь? – соглашаясь, спросил я.

– На Соколе.

– Так чего же мы ждём? По коням?

Через несколько минут я вырулил на Ленинградский проспект и помчался по указанному адресу.

– Она у меня такая шалопутная, – между тем рассказывала Шурка о своей сестре. – Кошка, которая гуляет сама по себе. Капризная, своевольная, но душевная девочка. И хотя разница в возрасте между нами всего три года, я у неё вместо мамы.

– Работает?

– Спрашиваешь... Она у меня умница, инженер – конструктор. Но вот в личной жизни везёт не очень. В семнадцать лет влюбилась до потери сознания. После потери выскочила замуж за парня, старше себя на пятнадцать лет. А потом сознание вернулось, и оказалось, что вышла за алкаша с садистскими наклонностями. Ушла со слезами, вернулась ко мне. Вот теперь вдвоём и кукуем. У тебя – то семья в порядке?

– В порядке, – кивнул я, обгоняя старенькую «Победу». И посетовал: – Квартиры вот нет.

– Ну, это дело наживное. Терпение, мой друг, и ваша щетина превратится в золото, – рассмеялась Александра. – Кстати, давно хотела тебя спросить. Как у тебя дела с нашими ретроградами?

Я пожал плечами:

– Пробую сохранять нейтралитет, но боюсь, что не удастся. Прав Юрий Александрович, тематика журнала научна и никуда не годится. И оформление желает быть лучшим. Предложил как – то Миронову снимки лётчиков в условиях быта и неформальной обстановки, так его компания меня чуть на смех не подняла. Журнал официальный, его наши враги изучают, а ты предлагаешь фривольности, говорят, – перевёл я дух. – Не пойму: мы что, печатаемся для того, чтобы пудрить мозги супостату? Допустим. Но ведь в каждом деле должна быть мера?

Не дождавшись ответа, я закончил:

– Помяни моё слово: лопнет терпение, и я выскажу всё на редколлегии.

– Не боишься? Слопают тебя вместе с потрохами. У Кислякова есть покровитель, а ты – то гол, как сокол. Поверни направо.

Я послушно выполнил команду, въехал во двор и остановился у подъезда старой, кирпичной кладки, пятиэтажки.

– Ничего – подавятся. Я несъедобный.

Александра приоткрыла дверь, поставила ногу на тротуар и через плечо повернулась:

– Может, зайдёшь на чашечку кофе? Должна же я тебя как – то отблагодарить.

– Почему бы и нет, – пожал я плечами. – Никогда не видел берлоги сестёр.

В скромно обставленной прихожей не было ничего лишнего. Вешалка прямо у входной двери, трельяж с набором косметики и пуфиком около и небольшой цветастый коврик, ведущий в покой. В углу на подставке стоял красный телефонный аппарат.

– Расчехляйся, – предложила Александра, сняла ветровку и по привычке поправила причёску перед зеркалом. – А я пока чайник поставлю.

И только мы расположились за столом, как в дверях нарисовалась другая девушка.

– А что это вы здесь делаете? – полюбопытствовала хитрая бестия, скользнув опытным взглядом по кровати. – Я тоже хочу.

Она была выше Александры и симпатичнее. Возможно потому, что раскосые карие глаза придавали лицу определённый шарм и привлекательность. Коричневая юбка, темных тонов кофта и туфли – лодочки говорили о том, что девушка следит за модой.

– Подожди, – сконфуженно удивилась Александра. – Ты же звонила о потерянных ключах? Кстати, познакомьтесь: Ольга, моя родная сестрица. А это – мой сослуживец, – кивнула она в мою сторону.

Пока я пожимал протянутую руку, растерянность на лице Ольги от неожиданного вопроса исчезла. Я понял, что легенда с ключами придумана, чтобы затащить меня в постель. Но чтобы не разочаровывать женщин своей догадливостью, принял игру за чистую монету.

– К счастью, нашлись. Я такая растеряха, – жуть! – засмеялась Ольга, лукаво поглядывая на старшую. Вот бестии, спелись, с полуслова понимают друг друга!

Я для приличия посидел ещё минут десять, болтая о предстоящих Олимпийских играх в Москве, и засобиравшись:

– В гостях хорошо, а дома лучше. Спасибо за кофе.

– И тебе спасибо, – проворковала Шурочка и проводила меня до порога. – Надеюсь, всё, что моё приглашение останется между нами?

– Разве я похож на самоубийцу? У меня и без того шишек достаточно. Нехватает только персонального дела по аморальному поведению. Ну, бывай...

День угасал, и дороги были свободны. В пятницу большинство москвичей уезжали на дачи. Я, не торопясь, ехал домой и прокручивал события последних часов. В принципе негоже заводить шашни с сослуживицами. Опасность огласки грозила большими неприятностями. По опыту я знал, что всякая женщина не прочь завести любовную интрижку. Но боязнь разоблачения сдерживает её порывы. С другой стороны, нет ничего зазорного в том, что я оказал уважаемой женщине небольшую услугу. На работе Шурочку уважали, к её мнению прислушивались и начальство. Так что поддержка в задуманном мной деле с её стороны не помешает.

А дело это касалось Курбатова. С некоторых пор качество и тематика отснятых им слайдов оставляли желать лучшего. Даже мне, профану в фотографии, было понятно, что снимки, предлагаемые профессионалом, с большой натяжкой тянули на любительские. Не без оснований я подозревал, что его подставы – часть коварного плана Светлицына, решившего укротить строптивного варяга не мытьём, так катаньем. Не знаю, чем его пригред Светлицын, но мой подчинённый был предан ему безоглядно.

– Ты молодой, Редькин, тебе карьеру делать надо, – пытался я наставить фотокора на путь истинный. – Зачем марать доброе имя? Неужели ты думаешь, что мне неизвестно, под чью дуду ты плясешь? Ты вот втихую саботируешь, а гонорар за снимки уходит твоим коллегам

из других издательств. Или ты считаешь, что я неспособен самостоятельно обеспечить журнал иллюстрациями?

– Это нач-альству д-думать надо. А мне – работать, – слабо возражал фотограф. – Вкальваю, как могу.

– Плохо вкальваешь, Дмитрий Григорьевич.

Похоже, не только Редькин, но и Анна Михайловна считала меня досадным недоразумением. Более того, она была уверена, что я ущемляю её обязанности и покушаюсь на талант.

Мы работали над номером, посвящённым комсомолу. Внутреннюю страницу обложки решили заполнить архивными и современными иллюстрациями. Подчеркнуть, так сказать, преемственность поколений. Анна сделала макет, но для комментариев места почти не оставила. Текст у меня уже был. Вложил в него, что называется, душу. Жалко стало чекрыжить.

– Аня, согласитесь, что этого мало. Оставьте окно на сорок слов.

– Хорошо, – кивнула женщина, но через четверть часа меня вызвал Миронов:

– Это что же такое получается? – гневно накинулся шеф. – Места вам мало?

– Да что можно сказать о комсомоле в четырнадцать строк? – вспыхнул и я.

– Если не можете, уходите из редакции! – жёстко ответил мой обожаемый начальник. А потом уже хлётко и оскорбительно: – Вы за пятёрку гонорара хорошее дело готовы загубить!

Ох, как хотелось врезать ему между глаз со всей классовой ненавистью! Но я сдержался и молча проглотил нестерпимую обиду. Ничего, гад, отольются тебе когда –нибудь мои слёзки...

Издревле существует неписанное правило: если подчинённым задание не под силу, его выполняет начальник. И потому я, вооружившись «Лейкой» и блокнотом, стал выезжать в командировки, переложив решение технических вопросов на плечи Анны. Естественно, ей это не понравилось. Служащие в штыки встречают дополнительные обязанности, им не свойственные. Но мы нашли компромисс, и я при случае не задерживал её на работе. О хвалёном советском энтузиазме здесь и речи идти не могло. Нет, мои подчинённые патриотизмом не страдали.

Идея о внедрении содружества в нашей троице тоже потерпела фиаско. В самом начале своей карьеры на новой должности я как – то собрал всех на совещание:

– Я нуждаюсь в вашей помощи, – как можно проникновенней сказал я. – Вот что нам предстоит сделать...

И нарисовал картину своего видения улучшения качества в оформлении журнала.

У солдат такой демократический подход вызывал положительные эмоции, а вот у вольнонаёмных выжал на лицах вежливую улыбку, не более.

– Зачем вы рассказываете о своих обязанностях, – выдержав паузу, съехидничал уже тогда Редькин. – У нас и своих хватает...

Дома меня ожидал сюрприз: на выходные приехал Ладкин отец Иван Константинович. Проведать своих детей и внуков. Уж чем другим, а гостями и родственниками нашу семью Бог не обидел. Приезжали из Запорожья и Челябинска, из Волгограда и Магнитогорска, с севера и с юга, а теперь вот пожаловали из Тулы. Честно скажу, мы с детьми любим неформальные визиты, привносящие в нашу повседневную жизнь приятные хлопоты и неподдельную радость. Детям привозили подарки, а для меня был повод пропустить румашечку-другую, что называется, легально оттянуться.

Дед аккуратно ссадил Андрюшу с колен, поднялся с дивана, и мы по русскому обычаю троекратно облобызались.

– Поджарым стал, – то ли с одобрением, то ли сокрушаясь, произнёс тесть глуховатым голосом. – Что, чёртушка, работы много? Это хорошо. Плохо, когда её нет. А я, понимаешь, тяну лямку на оружейном, хожу на рыбалку да копаюсь в саду. Отправил жену на дачу, а сам – к вам.

Всех близких ему людей Иван Константинович уменьшительно – ласково называет «чёртушками». Откуда у него, сурового и грубого солдата, прошедшего войну, огонь и воду, и мед-

ные трубы, такая удивительная тяга к нежности? Или это компенсация за личную кровь и страдания тех заключённых, которых бывшему НКВДэшнику выпала планида видеть и охранять долгие годы? Сомневаюсь. А может, он оттаял в средней полосе России, насквозь промёрзший в местах не столь отдалённых? Этого дед не знал. Мы и сами не замечаем, как со временем возрастает и обостряется наша забота о потомках.

Леночка накрывала на стол, сын возился с игрушками, а мы сидели на диване и разговаривали о политике.

– Я старый коммунист, но за последнее время порядком запутался. Не понимаю, куда ведут народ наши прославленные вожди. С одной стороны, со всех сторон трезвонят о выдающихся достижениях в промышленном производстве и сельском хозяйстве, с другой – пустые прилавки в магазинах. Как в послевоенные годы. Но тогда хоть что – то можно было приобрести по карточкам, а сейчас и этого лишили. Кругом блат, круговая порука и воровство. Спекулянты и фарцовщики заполонили страну. Что, правительство об этом не знает?

Ай, да дед! Ай, да Иван Константинович, верящий в партию, как в Иисуса Христа! И его достала хваленая Брежневская оттепель. Неужто и впрямь бытие определяет сознание?

– Ты не молчи, – среагировал тесть на мой неопределённый жест. – Тебе, как журналисту, доподлинно известна причина наших бед.

Вместо ответа я рассказал анекдот:

– Встретились в гостинице «Алтай» в одном номере сибиряк – русич и грузин.

– Ты, – спрашивает грузин, – зачем в Москву приехал?

– Да вот, – отвечает русский, хочу осуществить свою мечту: в Мавзолей сходить, Ленина посмотреть. Да шубу жене купить, и в Большой театр попасть.

– Молодец! – одобрил грузин. – Я тоже это сделаю.

Вечером встречаются

– Ну, как? – интересуется грузин!

– Да никак. Пришёл в ГУМ, а там очередь от Кремля.

– А я купил, – небрежно раскинул лисью шубу на кровати кавказец. – Захожу в Пассаж, позвал заведующего отделом, сказал, что хочу, и в двух экземплярах. Один – себе, другой – ему...

– Что так поздно, – спросил грузина невезучий русский следующим вечером.

– В Большой ходил, «Щелкунчика» глядел.

– Так ведь билетов нет.

– Почему нет? Зашёл к администратору, говорю: кацо, возьми зелень за весь первый ряд.

Но дай для меня один билет. Нашёл, понимаешь.

На третий день грузин хвастается:

– На Красной площади Ленина видел.

– Что ты мне мозги пудришь? Мавзолей на ремонте.

– Точно, дорогой. Но я взял ящик коньяка, принёс его рабочим, попросил показать Ленина.

– Тебя, – говорят, – внутрь проводить или его сюда вынести?...

Лена рассмеялась, а тесть обиделся:

– Вот, – сказал он с горечью, – развращённый народ покушается и на святыни. Сатанинские деньги правят сегодня бал. И это только начало. Помяни моё слово, совсем скоро начнётся такой беспредел, которого не знала ещё Россия. Но ты прав: жируют чиновники на наших несчастьях. Не подмажешь – не поедешь.

– Хватит, мужички, лясы точить, – прекратила наши рассуждения Лада. – Прощу к столу.

– Вот это – дело. Я, признаться, крепко проголодался. Да и по рюмашке пропустить не грех. Давно её, окаянную, не пил, – щёлкнул по водочной бутылке Иван Константинович. – И

как ей беспартийные не брезгают? – как всегда пошутил он, опрокинул шкалик и с удовольствием занюхал корочкой хлеба:

– Соколом пошла. Как фронтовые сто граммов.

– Кстати, – вставил и я своё слово. – Давно хотел посоветовать: почему бы вам не написать и не опубликовать свои воспоминания? За вашей спиной – огромный пласт мало известной истории, уникальные, почти белые страницы службы в лагерях, работа на Тульском оружейном. Есть о чём рассказать новому поколению.

– Шутишь, зятёк! Какой из меня писатель? Я и двух слов связать – то не могу, а ты – мемуары.

– Не скромничай, папа, – поддержала меня Лада. – Мы твоими письмами ох, как зачитывались. И внукам будет интересно, как ты прожил свою жизнь.

– Так – таки и зачитывались, – довольный похвалой, покачал седой головой Иван, глубоко задумался и неуверенно сказал:

– Попробовать, конечно, можно. Ради вас, сопляков. Но публиковать!?

– Ловлю на слове, – отрезал я пути отступления тестя. – За это и выпьем.

– Не возражаю, – поставил резолюцию под тостом старый, подвыпивший вояка.

Утром мы посетили Панораму «Бородинская битва». Живописная картина, охватывающая весь круг горизонта, с натуральными фрагментами предметов на переднем плане создавала иллюзию реальности. Леночка была в восторге, а Иван, покидая смотровую площадку, грустно заметил:

– Впечатляет. Но уж очень красиво. На войне такой палитры не бывает. Там господствуют три цвета: красный, белый и грязный.

В воскресенье я съездил в закрытый Звёздный городок и закупил продукты для тестя.

– Премного благодарен, – прощаясь с нами, сказал Иван Константинович. – Отпуск у тебя когда? В августе? Вот и приезжайте всем семейством ко мне на дачу. Фрукты, поспеют, помидорчики – огурчики на закуску. Куда вам таким колхозом на юга? У меня в погребе с прошлого года такая настоечка стоит! – заговорщически шепнул он мне на ухо.

– Подумаем, батя.

...В конце июня дочка успешно сдала выпускные экзамены и получила диплом об окончании музыкальной школы. Её хвалили, рекомендовали поступить в училище, но на семейном совете она категорически отказалась:

– Не лишайте меня юности, дорогие мои предки, – совсем по – взрослому заявила Леночка. – Посмотрите вокруг: все дети, как дети, учатся, отдыхают, развлекаются, а вы хотите навсегда приковать меня к вашему ящику, – небрежно кивнула она на новенькое пианино. – Мне и общеобразовательной школы хватит за глаза!

Что ж, дочка по – своему права. Похоже, музыканта – профессионала из неё не выйдет. В нашем роду только моя сестра Маша тяготела к музыке, научилась играть на баяне и даже работала в кинотеатре в фойе, развлекая публику перед сеансом популярными мелодиями. Брат Юрка не в счёт. После окончания консерватории он сначала отрабатывал диплом, а потом втянулся в преподавательскую работу, поскольку ничего другого не умел.

В июле я отправил семью в Тулу, Редькина – в отпуск, а сам с трудом выбил командировку в знаменитую Качу. Мотивировка была проста: Кисляков подготовил к публикации материал об истребительном училище, к которому, как воздух, требовались иллюстрации. Даже Бессонов, скептически относящийся к творчеству Юрия Александровича, не нашёл мотивов для замораживания статьи.

Признаться, Качу я выбрал не случайно. Дело в том, что в Волгограде жили мои родители, и я надеялся совместить полезное с приятным.

С билетами на самолёт проблем не было. Начальник центрального аэропорта Владимир Михайлович Басов, как только я к нему заявился, позвонил в кассу, усадил за стол и угостил

кофе. Не могу сказать, по каким причинам, но генерал в отставке питал особое благорасположение к журналу. Если предполагался вылет по тревоге, шли к нему. В крайнем случае, устроит в кабине пилотов на приставное место.

Всякий раз, прибывая в аэропорт Волгограда, я с волнением вспоминал о далёком сорок втором году, когда моя бедная мать с четырьмя детьми на руках пыталась уйти от немца за Волгу. И хотя был я тогда от горшка – два вершка, детская цепкая память навсегда зафиксировала эту пристань с единственным уцелевшим зданием, забитым, как муравейник, мертвецами спавшими людскими телами.

Теперь Гумрак не узнать. По большому счёту, он стал современным городом – спутником бывшего Сталинграда.

Через полтора часа лихой таксист доставил меня до Спартановки. Не дожидаясь лифта, я взлетел на пятый этаж и нажал кнопку звонка.

– Кто там? – услышал я голос матери и, озоруя, пропел басом:

– Ты, Настасья, ты, Настасья отворяй – ка ворота...

Щёлкнул замок, дверь распахнулась, и я переступил порог родного дома.

– Господи, твоя воля! – всплеснула руками мать и повисла на шее. Она заметно располнела и уменьшилась в росте. Я обнял её за талию и приподнял в воздух. Мать жалобно ойкнула:

– Да ты что же делаешь, бугай! Поставь меня обратно. Все косточки переломал.

На шум из гостиной показался отец:

– Вот уж не ждали, так не ждали, – довольный, произнёс он. – То – то у меня нынче нос чесался.

Отец постарел, волос на голове поубавилось, зато рельефно обозначился живот.

– Нас гребут, а мы толстеем? – пошутил я, целуя старика. – Рюкзачок – то надо за спиной носить: спереди неудобно.

– Представляешь, сын, за полгода вырос. Пока грузчиком работал – не было. А уволили – нате вам.

– И за что же попёрли, – с интересом взглянул я на отца, зная о его патологически честном выполнении трудового долга.

– Да засёк, как продавщица Кланька разбавляла сметану кефиром. Мне бы промолчать, а я высказал своё по этому поводу мнение. Может, и промолчал бы. Но она, стерва, за то, чтобы не видел, предложила бидончик сметаны. Вроде бы взятку совала.

Отца я знал, как облупленного. При всех своих отрицательных качествах – мухлевать, обжигоривать или просто водить за нос кого – либо он не хотел и не умел. Справедливый до неприличия, старый мартеновец всегда рубил правду – матку в глаза. Есть такие «правильные» люди, которых, сколько не учи, никакие шишки не исправят. За идею они и на плаху пойдут.

Мой малограмотный отец не принадлежал к числу идейных. Более того, он не понимал смысла самого слова, предпочитая жить по понятиям. «Как все», коротко определял он своё кредо. Возможно, благодаря нему и не попал в кровавую политическую мясорубку тридцать седьмого года. Подстрекаемый амбициями вождей, народ продолжал беспрецедентную акцию самоуничтожения.

– Он как тот еврей, – вмешалась в разговор мать, накрывая на стол. – Приходит Мойша домой и радостно сообщает:

– Сара, я в партию вступил.

– Вечно ты в какое – нибудь дерьмо вляпаешься, – ответила ему жена...

Я рассмеялся, а отец из вежливости улыбнулся. Юмор он воспринимал с большим трудом.

Пока я рассказывал о своей семье, мать расстелила новую, «гостевую», скатерть, выставила селёдочку с холодной отварной картошкой, помидоры, огурчики, небольшой мочёный

арбуз и вазу с крупными ломтями ржаного хлеба. Потом на минутку удалилась и принесла из тайничка бутылку.

– Во, – восхитился отец. – А надясь уверяла, что нету.

– Тебе, окаянному, хоть ведро поставь – всё вылакаешь, – проворчала незлобиво мать.

После второй я вытащил из походного чемоданчика подарки. Без них визиты не наносились.

– Это тебе, мам, – накинул я на плечи матери кашемировый цветастый платок.

– Осподи, да куда мне, старухе, такой нарядный! – расцвела она благодарной улыбкой и тотчас подошла к зеркалу. Видавшее виды, оно всегда стояло в прихожей, но теперь я заметил в углу на стекле трещину, и по народной примете отметил, что это не к добру.

– А это, – вытащил я из коробки новенькую электробритву, – тебе, отец.

– Ты как в воду глядел. Моя – то месяц назад, как сгорела. Ну, мать, теперь все кумушки мои! – поддразнил он супругу.

– Да кому ты, старый кобелюка, нужен? – скрылась на минуту в спальне мать и вновь появилась: – Я тоже, сынок тебе, подарок приготовила, – и протянула наручные часы «Слава». – Позолоченные, – с гордостью подчеркнула она. – Вот умру, а ты, глядя на них, будешь вспоминать своих родителей.

Часы и впрямь отвечали своему названию: лучшей отечественной марки не было.

И мы ещё долго гоняли чай и вспоминали добрым словом родных, друзей и знакомых...

Ровно в семь, как я и просил, мать подняла меня с дивана:

– Пришёл «вставай», сынок.

Ох, как я ненавидел в детстве этот глагол, придуманный и одушевлённой матерью! Ни свет, ни заря «Вставай» выдёргивал меня из тёплой постели и выбрасывал на мороз в сторону школы, до которой топать почти три километра.

Теперь – дело другое. Армейский образ жизни вмонтировал в меня биочасы, подчиняясь которым, я научился, как будильнику, задавать себе время подъёма и отбоя. Однако, если была возможность, я подстраховывался.

Через полчаса, выпив наскоро чашку чая, я перекинул репортёрскую сумку через плечо и вышел из дома.

– Доедешь до остановки «Семь Ветров», а там до Качи – рукой подать, – сориентировала меня мать на прощанье.

Всё население города – героя и все выпускники Качинское военное истребительное училище имени Мясникова для краткости любовно называло «Качей». В этом году ему исполнилось семьдесят лет, и журнал не мог не отметить такую почтенную дату. Прежде, чем сюда ехать, я ознакомился с солидным досье, созданным Кисляковым о знаменитой кузнице лётных кадров для Военно – Воздушных Сил страны.

Оказалось, что Сибирское училище лётчиков с Качей ничего общего, кроме дислокации, не имеет. Кача родилась в ноябре 1910 года в Севастополе в долине реки Кача по инициативе великого князя Александра Михайловича, а в Сталинграде приняла статус школы военных лётчиков. В сорок втором в июле месяце Сталинградская школа перебазировалась в Кустанай, но после войны не вернулась, а обосновалась в Новосибирске. Вся эта круговерть и накладки и породили необоснованные слухи о том, что Сибирское училище лётчиков – истребителей тянет свои корни от Качи. Даже мы, выпускники СВАУЛ, не знали об этих тонких нюансах. Но мы, курсанты, не раз задавались вопросом, почему, если Кача эвакуировалась в Сибирь, она отказалась от своего гордого названия. Вразумительного ответа так никто и не дал. Так я и жил в неведении последние двадцать лет.

До жилого массива с романтическим названием Семь Ветров я благополучно добрался на рейсовом автобусе.

– Да здесь – рукой подать, – махнула словоохотливая старушка в сторону училища. – Пешочком пройдишь, касатик.

На постаменте в зафиксированном навечно взлёте прямо перед входом в училище застыл реактивный истребитель с треугольным крылом. Символ мощи страны и визитная карточка Качи. Интересно, сколько курсантских рук держалось за твою ручку управления, старина? Или тебя списали по недоразумению? Вряд ли. Наши инженеры выжимают из техники всё, реанимируя смертельно уставшие самолёты. Этот, отполированный заботливыми руками летно-подъемного состава, блистал первозданной красотой и совершенством.

На КПП, задержав незнакомого офицера, дежурный потребовал доложить о цели моего визита, проверил полномочия, позвонил обо мне, согласно инструкции, дежурному по училищу и заставил ждать. Я выкурил сигарету, прежде, чем увидел приближающего ко мне подполковника.

Встречаясь с авиаторами, я всегда пытаюсь определить, не пересекались ли наши пути ранее. Среди других родов войск летуны имеют явное преимущество: они постоянно мигрируют, общаются и легко приобретают новых друзей. Память на лица у меня хорошая, но этот был незнаком. Разве что, мой однокашник Ивлев? Но тот выглядел солидней, шире в плечах и ниже ростом. А этот – выше среднего, суховат и без задора. И всё же я не угадал. Время – хороший скульптор, но, к сожалению, корректирует нашу внешность не в лучшую сторону.

– Заместитель начальника училища по лётной подготовке подполковник Ивлев, – представился офицер, протягивая сухую, крепкую руку. – С кем имею честь?

– Ты что, чертяка, своих не узнаёшь? Мы же с тобой на выпускном вечере рядышком сидели, – с укоризной покачал я головой.

– Подожди, – уставился на меня Ивлев. – Не может быть! Неужели Актёр? – вспомнил он о моей кличке. – Смотри, как растолстел – сходу и не признаешь. Ты где шлялся последние двадцать лет? А ну, пойдём! – обнял он меня за плечи и увлекая на территорию училища.

Штаб управления стоял почти рядом с проходной, утопая в зелени деревьев. Напротив на бетонированной стоянке припарковались несколько «Жигулей», а за ними просматривалась баскетбольная площадка. Почти там же, как в Топчихе.

– Начальник училища в отпуске, – докладывал между тем Ивлев. – Временно исполняю его обязанности. Так что все вопросы решать будешь через меня или начальника политотдела. С нашими общаешься?

Знал я немного. Рассказал о Матвейкине, о Летунове и Шамове, про Олифиренко, исчезнувшем с горизонта с тех пор, как попал в органы госбезопасности, о Лёхе Мазурове, взлетевшем ночью на задание и пропавшем в Прибалтийских болотах

– А я – как в СИЗО попал. Четвёртый год учу курсантов. Подростерял все связи. Интересы и амбиции притупились. Отдушину нахожу только в полётах. Больше летаем – лучше летаем. Меньше летаем – дольше живём, – отвечая каким – то своим мыслям, закончил задумчиво он. – Так какие у тебя планы?

Я коротко доложил о задании Обухова.

– Времени, конечно, маловато, – с огорчением сказал Ивлев. – И погулять не дают. А то съездили бы с тобой на рыбалку, посидели бы у костерка, похлебали бы наваристой волжской ухицы под рюмочку, а? Нет? Тогда сделаем так: сегодня осмотришь наш музей, а завтра сможем с тобой в Бекетовку. Там и найдёшь ответы на все твои проблемы.

В сопровождении гида два часа кряду я осматривал и фотографировал впечатляющие воображения экспонаты и материалы лётной славы знаменитого училища. Не буду утомлять читателя их перечислением, они достойны отдельной книги. Но не сказать об одном из них было бы кощунством. Прямо на серой стене полыхали огненным пламенем рубленые строки, ставшие девизом каждого курсанта:

«Нам лучшей площадки для взлёта не надо,

Чем эта святая земля Сталинграда»...

В лётной столовой, куда пригласили меня на ужин гостеприимные хозяева, зашёл разговор об облике современного курсанта. Мне хотелось понять, чем современная лётная молодёжь отличается от нашего поколения.

– Да ничем, – отмахнулся от меня Ивлев. – Разве что грамотнее стали. И это естественно. Мы с тобой осваивали истребители первых образцов, а теперь техника и мощнее, и электронной напичкана, как слоёный пирог.

– Ну, а в нравственном плане?

– А что? Мораль и нравственность блюдут. Но озоруют, – выдержав паузу, рассмеялся чему – то Ивлев и тут же пояснил своё поведение: – Недавно звонят из милиции начальнику училища, докладывают:

– Ваш курсант задержан за попытку изнасилования.

– За изнасилование или попытку? – просит уточнить генерал.

– За попытку, – отвечают.

– Это не наш курсант!

Летние утренние часы в Волгограде прелестны. Воздух пока свеж и прозрачен и напоён ароматом зелени и цветов, настоянных на ночной прохладе. Солнце щедро и весело освещает голубую Волгу, речной транспорт, дома и улицы, по которым спешат озабоченные люди, звенят трамваи и снуют такси. В такие минуты хочется жить и творить.

К десяти, как и договаривались, я был уже в штабе училища и пожимал руку моего одноклассника.

– На «Л – 29» – том летать приходилось? – поинтересовался у меня Ивлев.

– Дамский вопрос. Конечно же – нет. Я его и вживую – то никогда не видел. Но с тактико-техническими характеристиками знаком. Хороший самолёт, и красивый.

– Тогда поехали, – пригласил меня в отполированный УАЗик Ивлев. Одетый в лётную летнюю стандартную форму, он почти ничем не отличался от остальных лётчиков. Разве что подчёркнутым уважением подчинённых и возбуждённым блеском карих глаз.

– Комбинезон для тебя и шлемофон я прихватил. Через час взлетаем на Бекетовку. Там как раз заканчивается лётная смена. Там и найдёшь все ответы на свои вопросы.

До местного аэродрома было рукой подать. Водитель лихо подрулил к длинному и обтекаемому, как веретено, самолёту с огромными красными цифрами на фюзеляже, мы вышли из машины, и техник, шагнув навстречу командиру, доложил, что самолёт к взлёту готов.

– Значит, так, – пожав ему руку, проговорил Ивлев. – Я минут на пятнадцать заскочу на КДП, а ты, Михайлыч, объясни великовозрастному курсанту, что к чему. С учётом, что это его первый ознакомительный полёт на данном типе.

«Михайлыч», парень лет двадцатипяти, вежливо и хитро улыбнулся, словно хотел сказать: разыгрываешь, командир, в нашей Каче таких не держат.

Ивлев укатил, а я по команде хозяина самолёта поднялся по приставной лестнице и с трепетом в сердце перешагнул борт пилотской кабины учебно-тренировочного реактивного истребителя. Большой плексигласовый фонарь гостеприимно пропустил моё грузное тело внутрь, и я опустился на спасательный парашют удобного кресла.

И сразу повеяло юностью. На меня с любопытством глядели десятки знакомых и незнакомых приборов, рычагов и переключателей, контрольных табло и лампочек. Ноги сами легли на педали, а ладонь по привычке ухватила за ребристую ручку управления. Но не приборная доска, усыпанная измерительной аппаратурой, поразила меня, не ощущение от прикосновения к рычагам газа. Я был раздавлен непередаваемым, специфическим, агрессивным запахом, создаваемым всем этим великолепием. Возможно, я гиперболизирую, но твёрдо убеждён в том, что каждый летательный аппарат имеет свой неповторимый запах, уловить который можно с

закрытыми глазами. Всё равно, как среди миллионов женщин ты безошибочно определяешь запах возлюбленной.

– Всё понятно, командир? – подгоняя по моему росту пристяжные ремни, спрашивал между тем техник.

– В принципе – да. Только проинструктируй меня, приятель, как пользоваться аварийным покиданием самолёта.

– Да нет ничего проще. Принцип остался тот же: ставишь ноги вот на эти подставки, – показал он скобы, слитые с креслом, – прижимаешься затылком к спинке, отбрасываешь с подлокотника предохранительный рычаг и нажимаешь на гашетку. Понятно?

– До слёз! – принял я его игру.

– Если успеешь, можешь пожелать себе счастливого приземления, – пошутил старший лейтенант. Он, конечно, не знал, что я по образованию профессиональный лётчик, и разыгрывал меня, как простого обывателя. Авиаторы любят пугать народ «воздушными ямами».

– Об этом можно подумать и до раскрытия парашюта, – бравировал я, но где – то в глубоком подсознании сверкнула тревожная мысль о самосохранении.

– Ну, что, готов? – прервал нашу словесную дуэль Ивлев. – Тогда вперёд! Подгоняй АПА.

Он привычно занял рабочее кресло, щёлкнули привязные ремни на его груди, задвигались органы управления в проверке, запели и засвистели на разные лады умформеры.

– Сумку мою подай, – попросил я весёлого техника, чуть не забыв на земле свой шанцевый инструмент.

– Как меня слышишь? – раздался в наушниках голос Ивлева.

– Нормально, командир, – словно прилежный курсант, ответил я. – К полёту готов.

Взяв нижнее «До», турбины силовой установки начали набирать обороты. Это неуклонное повышение октавы знакомо каждому, кто летал на реактивных самолётах. Но редко кому из пассажиров приходилось наблюдать в такой момент за показаниями приборов.

Через несколько минут с разрешения руководителя полётов мы вырулили на полосу, проверили работу двигателей на максимальных оборотах и, отпустив тормоза, начали стремительный разбег. Более волнующего момента не бывает. Всё остаётся позади, сдуваемое с плеч встречным потоком свирепого воздуха, всё подчинено будущему.

Волнуясь, я мягко держался за ручку управления, наблюдал за ростом скорости по прибору и ждал момента отрыва. Как всегда, он наступил неожиданно. И сразу стихли земные звуки, словно за тобой закрылась дверь штамповочного цеха. Мягко щёлкнули замки, фиксирующие уборку шасси, и весёлый звон турбин запел нам бесконечную песню о красоте полёта.

Отработав связь с диспетчером, Ивлев развернул самолёт на север и лёг на заданный курс. Справа по борту серебрилась широкая и раздольная Волга, окаймлённая изумрудным ожерельем прибрежных лесов, слева – просторные степи, изрезанные буераками и глубокими оврагами и усыпанные сёлами, деревнями и станицами.

Мы летели на эшелоне 1200 метров, чуть выше над нами величественно и неторопливо проплывали шапки кучево-дождевых облаков, но болтанки не было. Самолёт скользил в атмосфере, как нож по мягкому маслу. На моих коленях лежала полётная карта – пятикилометровка, по которой я вёл детальную ориентировку. На ней я заранее отметил населённые пункты, где родились и жили когда – то мои родители: Камышин, Петров Вал, Котово, Серино. Не знаю, какие чувства мной руководили, но я физически ощущал необходимость побывать в местах, где прошли детство и юность моих предков.

Перспектива была прекрасной. Населённые пункты, как в киношной камере, наплывали на меня по мере их приближения. Однако, как я ни вглядывался, кроме небольшой речки Иловли, где по рассказам отца, он ловил рыбу, Быково да Котово, другого не узнал.

– Как себя чувствуешь? – отвлёк меня от занятий голос командира.

– Нормально, – и постучал по ручке, прося разрешения попилотировать самостоятельно.

Двойное управление на учебном самолёте чётко передавало тайные сигналы, усвоенные ещё со времён училища. По внутренней связи просить об этом деликатном деле я не решился. Знал, что самописцы, установленные на борту, добросовестно фиксируют каждое слово. Случись предпосылка к лётному происшествию, – и компетентная комиссия по её расследованию непременно сделает вывод, что она произошла в результате передачи управления постороннему лицу. Мне не хотелось подставлять Ивлева по возможным пустякам.

Ивлев хмыкнул, но просьбу понял:

– Ну – ну, давай.

И я почувствовал, как давление на ручку управления ослабло.

Осторожно, как малыш, делающий шаги впервые в жизни, я сделал крен влево и вправо, вниз и вверх, и, послушно слушая моих указаний, истребитель выполнил заданные параметры. Я осмелел и выполнил змейку, сохраняя курс и высоту полёта. Получилось неплохо. Обнаглев и прочувствовав машину, я заложил крен градусов под шестьдесят. Так, по крайней мере, мне подсказали показания авиагоризонта.

Ивлев никак не реагировал на эти шалости. Что ещё можно было выполнить, не меняя режима полёта? Это не зона для отработки техники пилотирования. Впрочем! И я уже намеревался сделать управляемую бочку, но во – время одумался: моя репортёрская сумка с вложенной в неё фотокамерой, блокнотом и туалетными принадлежностями пошла бы гулять по кабине.

Ивлев запросил Бекетовку о подходе и условиях посадки и решительно взял управление на себя. Всё! Праздник кончился.

На стоянке Ивлева встречал командир полка, заместитель командира по политчасти и инженер. Обменявшись рукопожатиями и представившись, я и замполит уединились.

– Хотелось бы ознакомиться с жизнью и бытом ваших воспитанников, поговорить с ними, понаблюдать достопримечательности, – высказал я свои пожелания. – Времени в обрез, вечером возвращаемся. Неплохо было бы выделить для меня сопровождающего.

– Нет ничего проще, – успокоил меня замполит. – Пропагандист подойдёт?

За три часа мы с капитаном объездили весь гарнизон, побывали на стоянке самолётов, ближнем приводе, прошерстили казармы, переговорили с уймой солдат и офицеров и в конечном счёте оказались в учебно-лётном отделе.

– Сейчас идёт самостоятельная подготовка курсантов, – с радостным оптимизмом доложил мне мой гид. – Скоро экзамены, и ребят консультируют преподаватели.

– Это как раз то, что надо. Организуй мне встречу с парой – тройкой ребят с фотогеничными лицами, – попросил я капитана.

Не прошло и пяти минут, как передо мной появились парни, серьёзные и озабоченные приглашением редактора известного журнала. Мне кажется, они принимали меня за Главного. Но разубеждать их в этом заблуждении я не стал.

– Курсант Шапошников, – представился тот, кто побойчее.

– Курсанты Нишаков и Шевченко, – в тон первому признались его друзья.

– Замечательно! – обрадовался я, узнавая в них себя четверть века тому назад. – Присаживайтесь, ребята, рассказывайте, как живёте.

– Живём – хлеб жуём, – односложно отшутился Нишаков. – Вам, журналистам, что ни скажи, вы всё сводите к героике. А мы обыкновенные, простые. С радостями и печалью, с заботами и тревогами, с головной болью, где бы достать денег на цветы любимой девушке. Короче – и у нас есть бытовуха. А в прессе? Что ни лётчик, то – герой, что ни техник, – тот беззаветный служака. Лакированные какие – то, конфеты в фантиках.

Ребята дружно закивали, соглашаясь с мнением товарища.

– У всех нас самый главный недостаток – постоянная тоска по небу. Я и во сне летаю.

– И молодость, – вставил слово Шевченко. – Опыта маловато.

– Ну, этот «недостаток» скоро пройдёт, – засмеялся я. – Испытано временем.

Мне удалось найти общий язык с ершистыми курсантами, и я написал очерк на их откровениях, но редколлегия решила, что материал слишком приземлён. На страницах журнала он так и не появился. Однако мне повезло: впоследствии Сергей Шапошников и Володя Нишakov стали лётчиками – испытателями, а Серёжа Шевченко – генералом. Двадцать лет спустя я опубликовал – таки материал под одноимённым заголовком...

К вечеру я вернулся в Волгоград, и Ивлев затащил – таки меня в ресторан. Пили скромно, не танцевали, вспоминали курсантские годы, инструкторов, преподавателей и погибших товарищей.

– Жизнь лётчика сравнима с юбкой балерины, – расставаясь, произнёс однокашник. И пояснил: – Яркая, блистательная, но слишком короткая...

Весь следующий день я провёл с родителями, принимая многочисленных родственников и друзей. Гордая и тщеславная мать не могла не похвастаться, какого сына она воспитала. Ей хотелось признательности не только от меня, но и от окружающих. Она купалась в дожде комплиментов, сыпавших на мою голову. И это было её законное право.

Вечером фирменный поезд увозил меня в Москву.

Глава третья

Любовь Степановна Виноградова, наш литературный редактор, в курилке, между прочим, заметила:

– Как быстро течёт время! И как медленно оно тянется до полочки...

Не успел я и глазом моргнуть, как получил от Серёжи телеграмму о предстоящем приезде. Прошло три года, и мой старший сын, благополучно закончив Иркутское авиационное военно-техническое училище, стал офицером. К сожалению, мне не удалось побывать на выпускном вечере, но я и так знаю, какие дерзкие мысли и чувства переполняли его душу в тот счастливый момент. С получением лейтенантских погон открывались такие перспективы, от которых дух захватывает. И, чего греха таить, где – то в глубокой пещерке подсознания щекотала тщеславная мысль о возможной вершине военной карьеры – генеральском звании. Почему бы и нет? Почему не замahнуться на нашего уважаемого Вильяма Шекспира, как говорил герой знаменитой киноленты «Берегись автомобиля»? Правда, руководящий аппарат армии и государства стареет, Сталина на них нет. Члены Политбюро на своих постах остаются посмертно, а высшие армейские чины переходят в так называемую «райскую группу». Но и они вымирают, освобождая престижные должности победителям из кучи претендентов в жестокой битве за власть.

Накануне приезда Сергея в доме дым стоял коромыслом. Лада затеяла генеральную уборку и подключила к ней всех членов семьи. Леночка мыла полы, я выбивал ковры на улице, а жена решила надраить окна. Все были в приподнятом настроении, словно перед майскими праздниками. Только и разговоров, что мой сын любит, чем его угощать, да где поставить раскладушку. Ясное дело, не на один же день прибудет дорогой гость.

Глядя на хлопоты Лады и её озабоченность, внутренне я благодарил судьбу, что она послала мне женщину без комплексов, подспудно осознающей себя не мачехой, а матерью моего сына от первого брака.

Вечером, пока я занимал Андрюшу играми, Лада с дочкой колдовали на кухне, создавая салаты и торт «Наполеон». Сын уже свободно разговаривал и задавал уйму вопросов, настолько неожиданных, что порой ставили меня в тупик. Вот и сейчас, с увлечением возясь с детской железной дорогой, он между прочим, без всякого видимого интереса спросил:

– Папа, что такое писька?

От неожиданности у меня отвалилась челюсть:

– Ты где слышал такое слово?

– В садике. Наташка сказала, что у мальчиков растут письки, а у девочек пирожки.

– Гм, – прочистил я горло, собираясь с мыслями для ответа. – Так называют стручочек, из которого ты писаешь.

Удовлетворённый, сын тут же забыл о вопросе, а я, с интересом поглядывая на своё чадо, подумал, не рано ли наследник заговорил о гениталиях.

Сергей рассчитал правильно. В Москву он приехал рано утром, в субботу. Знал, что у меня выходные, и что вся семья будет в сборе.

С лёгким фибровым чемоданчиком в одной руке и тортом в другой, он нарисовался в дверях ровно в полдень. В новенькой парадной шинели, с лихо заломленной на макушку фуражкой, со щедрой улыбкой в тридцать два зуба, нахальным и озорным взглядом, он был точной копией своего отца образца шестидесятого года.

За последний год сын раздался в плечах, заметно подрос и подобрел лицом. Он осторожно поставил поклажу у ног, браво вскинул руку к виску и отрапортовал баритоном:

– По случаю успешного завершения учёбы прибыл на побывку!

Лена заплодировала, Лада заулыбалась, а сын с любопытством уставился на незнакомого дядю из-за юбки матери.

– Ну, здравствуй, отец!

Мы крепко, по-мужски, обнялись и расцеловались. Сын сбросил шинель, по-джентельменски преподнёс жене букетик жёлтых гвоздик, приложился к протянутой руке, чмокнул дочку в покрасневшие щеки, подхватил младшего братца и высоко поднял его над головой:

– Ого, какой богатырь! – восхитился он. – Копия – я! А я тебе подарок привёз. Хочешь?

– Сначала опусти меня на пол, – серьёзным голосом потребовал Андрей. «А там, мол, и поговорим», – закончил я мысленно недосказанную фразу.

Через пять минут все уже сидели за праздничным столом. Сергей выудил из чемодана коньяк и шампанское, поставил бутылки в центре.

– Неси фужеры, мать! – распорядился я. – По такому случаю и выпить не грех.

– А мы вас так ждали, так ждали! – не сдержала своих эмоций Леночка, от волнения переходя на «вы». – Думали, не приедете.

– Да как это можно, сестричка? Ты ведь у меня одна, – искренне произнёс сын. – Не будь паровозов, я и пешком бы пришёл, – закончил он фразу к всеобщему удовольствию.

– Ну, за династию! – поднял я хрустальный бокал с шампанским. – За первое офицерское звание!

Все, как по команде встали, звонко чокнулись и дружно выпили. Даже Леночка пригубила глоточек.

– А теперь рассказывай, куда попал по распределению, как встретились с матерью, с челябинскими друзьями, – когда насытились, потребовал я на правах старшего.

Сергей закатил глаза от удовольствия:

– Не поверите, но моё появление около дома произвело эффект разорвавшейся бомбы. Пока разгружался и расплачивался с таксистом, заметил, как наши дворовые старушки оживлённо зашептались и заспорили. Не знаю, о чём был разговор, но точно – обо мне. Понятное дело, в наших краях военные встречаются редко. Только потом мать со смехом передала возникшие вокруг меня сплетни. Оказывается, за глаза меня называли не только уличным хулиганом и ворюгой, но и бандитом, по которому тюрьма давно плачет. И когда я внезапно исчез, все были твёрдо уверены, что меня, наконец – то, посадили.

Военная форма престарелых кумушек тоже не смущала. «Переоделся, шельмец! Как есть – переоделся. Нынче в военторге любую форму купить можно. В милицию надо заявить».

И ведь заявили. Приходил участковый, проверил документы, я как раз на учёт в комендатуре встал, и, к великой досаде, разочаровал злобное племя. Но отношение ко мне изменилось. Смотрели с растерянным недоумением и немим уважением: надо же, Серёга человеком стал.

Я слушал сына и впервые ощутил, как чувство самоуважения заполняет моё сердце. Несмотря на измену прошлой жены, сумел – таки перешагнуть порог отчуждения к нашему ребёнку. Не махнул на него рукой, взяв на себя материальные обязательства по его обеспечению. Пришёл в нужную минуту и вырвал со дна нравственного падения.

– Ты нам главного не сказал, – вставила слово Лада, подкладывая пасынку очередную ложку оливье. – Где служить будешь?

– Будто вы не знаете. Весь выпуск распределили по сибирским гарнизонам, и только несколько человек попали на Запад. Твоя работа, отец?

Я неопределённо пожал плечами. Не скрою, был телефонный разговор на эту тему с начальником политотдела училища. Хотелось, чтобы сын служил поближе, где – то в Астафьево, например. Там хорошая авиабаза, и до Москвы – рукой подать.

– Одним словом, назначен служить в гарнизоне города Иваново. Классное, говорят, место. Девчонок столько – хоть пруд пруди! – невольно вырвалось из него тайное признание.

Я про себя хмыкнул. Естественно. О чём ещё может мечтать курсант, изолированный от женского пола на целых три года. По себе знаю, как нелегко бывает сдерживать сексуальное влечение. А миллиону солдат и такому же количеству заключённых? Как им решать эту проблему? Не потому ли и всплывают на поверхность педофилы, лесбиянки и извращенцы? Будь моя воля, я бы в каждом гарнизоне узаконил бюджетные дома свиданий. Другого выхода не вижу.

Вся последующая неделя у Сергея была переполнена культурной программой. Он побывал в Мавзолее, в Большом театре и театре оперетты, соблазнил семью на совместный поход в цирк, и при моём содействии познакомился со Звёздным городком. Мы встречались только вечером, и сидя за столом, сын с восторгом делился своими впечатлениями. Он быстро нашёл общий язык с детьми. Лена для него музицировала на фортепиано, а младший брат не слезал с колен.

Вскоре, однако, семейной идиллии пришёл конец. Сергея ждали ратные дела. В воскресенье вечером я проводил его на вокзал, и уже у вагона задал главный для себя вопрос:

– Как думаешь строить свою жизнь, сын?

– Знаешь, – склонил он голову набок, – откровенно говоря, пока не задумывался об этом. При хорошем раскладе неплохо было бы поступить в инженерную академию или в какой – нибудь ВУЗ. «Поплавок» не помешает, поможет выплыть в бушующем мире страстей. У тебя – то их два. Считай – катамаран, на которых древние не боялись бороздить океаны.

– Академия, конечно, хорошо, – одобрил я. – Но для неё созреть надо, а, стало быть, время. Почему бы его не использовать для получения высшего политического образования заочно? Представляешь, какие горизонты раскроются перед выпускником академии Жуковского с высшим политическим образованием?

– Заманчиво, отец, – кивнул Серёжа. – Я подумаю.

– Что ж, думай. Но не долго, пока у меня есть наработанные связи с руководством Курганского ВПУ.

Поезд осторожно и почти неслышно стронулся с места. Сын шагнул в тамбур, выглянул из – за плеча проводницы, прощаясь, помахал рукой.

– Не забывай о бабушке и деде! – пожелал я ему на дорожку. – Пиши!

По своему характеру и манерам поведения полковник Миронов был добрым, сентиментальным человеком. Особенно к женскому персоналу. Офицеров Илья Александрович держал в ежовых рукавицах, чтобы служба мёдом не казалась. И для поддержки своего авторитета его позиция тоже имела оправдание. Но вот чем другим, а персональным креслом полковник дорожил трепетно. И всякое поползновение, любой намёк на возраст или нецелесообразность использования его опыта в журналистике пресекал на корню, затаивая ревностную обиду на реформатора.

Как и у всякого руководителя, у него были свои любимчики и оппоненты. Первых Главный поощрял и оберегал от нелётной погоды, со вторыми вёл тайную войну на выживание. Одним из своих приближённых считал заместителя полковника Бессонова, который, прежде чем произнести фразу, заглядывал в рот своего шефа. По существу, этот коротышка и руководил работой редакции, поскольку Миронов вечно отсутствовал на приёмах, симпозиумах, презентациях и прочих подобных мероприятиях. Худо ли, бедно ли, но такой расклад в распределении обязанностей журналистов устраивал. Бессонов безвылазно сидел в своей каморке, яростно и лихо барабанил по клавиатуре старенькой машинки. Неизлечимый графоман, он был уверен, что талантлив и неповторим, и вносит в литературу заметный вклад о новых временах. Писал Евгений обо всём, брался за любые темы на заказ и без заказа, и щедро рассылал свои гениальные произведения во множество редакций. И я, и Кисляков, и Жилин и другие восхи-

щались плодovitостью зама и его способностью восемь часов кряду стучать по истерзанной клавиатуре.

Характер Бессонова испортила заграница. Годы, проведенные в Ливии, быстро научили ценить его материальное благополучие. Он настолько привык кататься в достатке, как сыр в масле, что при возвращении на Родину так и не адаптировался к суровой советской действительности.

Он любил и страдал. Он любил деньги и страдал от их недостатка, – так примерно говорили про Бендера авторы знаменитого романа. Да полно те. Зачем незаслуженно оскорблять Остапа в губительном недуге? Наш Женечка был на порядок выше даже Коробочки – скряги.

Образом его жизни стала погоня за гонораром. О его страсти знали все и снисходительно прощали, как прощают чудачества человеку со слегка сдвинутой крышей.

Крепко сбитые, монолитные, как партия, статьи и очерки Бессонова иногда публиковались в солидных газетах и журналах. Кое – какие из них мне удалось почитать. Мнение создавалось двоякое. С точки зрения профессионализма написано грамотно, лаконично, но не интересно. Всё равно, как сваренный борщ, в который забыли бросить заправку. И форма есть, и содержание просматривается, а не вкусен, – и всё тут.

Возможно, я чего – то недопонимал и как – то высказал свои сомнения Кислякову. Юрий Александрович рассмеялся и вдруг спросил:

– Ты знаешь, чем отличается столица Камбоджи от нашего зама?

– ?

– Столица Камбоджи Пномпень, а наш зам – пенъ пнём!

– Так эта байка про прапорщика, – возразил я.

– А ты что думаешь, среди полковников прапорщиков не бывает?

В том, что Юрка прав, я вскоре убедился на своём опыте. Бессонов вызвал меня в кабинет и выразил недовольство, что фотоматериалы вовремя не представляются на обсуждение.

– Евгений Иванович, здесь вы, безусловно, правы. Мне тоже не нравится, когда начальники отделов берут меня за грудки и требуют иллюстрации, нужные ещё вчера. Но чтобы удовлетворить спрос, я должен знать содержание корреспонденций. А их нет до последнего момента. Вашей, кстати, тоже пока не видел. И что прикажете делать в таком случае?

– У вас что, архива нет? – возмутился Бессонов при упоминании своего прокола.

– Загашник – то есть, но он не актуален. Кому нужны снимки годовой давности? Может, ребят и в живых уже нет, – вспомнил я про скандал двухлетней давности, случившийся в одной из центральных газет.

Тогда опубликовали мужскую фотографию не первой свежести. А бедняга возьми и умри от инфаркта. Ляп может быть и не заметили, но дядька был каким – то профсоюзным боссом и имел авторитет среди партийной элиты. Происшествие в ежедневной печати крайне редкое. Не то, что в ежемесячных журналах, технология выхода в свет которых растянута на три месяца. За это время с отснятыми людьми могло произойти что угодно. И чтобы не попасть впросак, приходилось часами висеть на телефоне, добиваясь подтверждения с мест, что с идущими в печать персонажами ничего негативного не произошло.

– Дело даже не в этом, – продолжал я развивать свою мысль. – Отдел не может работать в трясучем режиме. Тематический снимок требует организации и подготовки, и, стало быть, времени. Вот и используем дежурные заставки.

– А это ваши проблемы, – отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, Бессонов. – Не подменяйте творческий процесс банальным ремеслом.

– Об этом и речь.

Евгений Иванович взглянул на меня с иронией:

– Вы что же, предлагаете мне заняться вашими обязанностями?

– Зачем так круто. Просто было бы не лишним на летучке напомнить редакторам о сути нашего разговора. Вам, как руководителю, сделать это сподручней.

Лицо полковника побагровело и приняло выражение людоедки Элочки. В его глазах ясно прочитывалась её знаменитая фраза «Не учите меня жить!». Но он не дал воли эмоциям и пообещал выполнить мою просьбу.

Неосторожные откровения с Бессоновым приобрели вдруг негативную окраску. Любовь Степановна Виноградова, женщина жёсткая и бескомпромиссная, не терпящая сплетен за своей спиной, поймала меня в курилке и, выпустив длинную струю дыма, в лоб спросила с сарказмом:

– И чем я тебе, голубок, не угодила? Вкалываю по двадцать пять часов в сутки, беру для работы рукописи домой, а вы утверждаете, что я бездельничаю.

– Не понял, – в растерянности развёл я руками. – Откуда такой поклёп?

– Да здесь и понимать нечего. Ведь это вы нашептали заму, что вычитки к вам поступают с большим опозданием? Не возражайте, – вы!

– Та-ак! – крикнул я, сообразив, откуда ветер дует. – У нас действительно состоялся разговор с Бессоновым. Но речь шла не о времени прохождения рукописей, а о заявках для их иллюстраций. При чём здесь вы?

– А разве не вы заявили, что неудовлетворены моей работой?

– Клянусь мамой, ничего подобного не было. Оценивать труд офицеров и служащих – не моя прерогатива. Для этого есть начальство.

– Странно. Очень странно, – всё ещё сомневаясь, проговорила Любовь Степановна. – Если вы сказали правду, то Евгений Иванович передёргивает карты. С него может стать.

Она размазала окурок о пепельницу и ровным голосом произнесла:

– Я вам верю. Плести интриги – не ваш удел. Прикроем пока эту тему. Но если вы меня обманули... – многозначительно оборвала женщина фразу и строго погрозила пальчиком.

Мой шурин Александр Михайлович, старшина сверхсрочной службы и бравый танкист, в далёком моём детстве как – то сказал речитативом, характеризуя дамочек:

– Пол – грамма правды – пуд коварства, три грамма совести – пуд зла. Притворства девять килограммов и пылкой страсти два ведра. Всю эту смесь взять и разбавить, сто граммов влить в неё «ерша». В холодном месте дать остынуть – и выйдет женская душа!

Не знаю, почему мне понравилось дерзкое высказывание родственника, но я запомнил его навсегда. И хотя мнение о женщинах с возрастом у меня менялось, и я уже критически относился к его мнению, ставил его под сомнение, тем не менее фразу иногда вспоминал, будучи обманутым и оскорблённым девчатами.

Не менее неприятный разговор произошёл и с Юрием Кисляковым. Человек решительный и резкий, не терпящий компромиссов и двусмысленностей, он сам пришёл в наш отдел и мрачно пригласил на два слова.

– Послушай – ка, приятель, у тебя что, перо из задницы выросло? – с жёстким сарказмом, ничего хорошего не предвещающим, выплюнул он вопрос. – Кто тебе дал право копать в чужом белье?

– Что ты имеешь в виду, полковник?

– Какое тебе дело, когда мы сдаём свои материалы Виноградовой?

– Не поверишь, но никакого, – отреагировал я, сообразив, о чём идёт речь.

– Тогда почему я должен получать втык от секретаря? Ведь это ты выразил недовольство за их задержку Бессонову?

– А, вот ты о чём. Поверишь или нет, дело твоё. Но мне кажется, что наш союз хотят развалить и используют недозволенные приёмы. Если хочешь, расскажу всё, как было. Как на исповеди.

– Говори.

И я подробно выложил суть своих требований на предварительные заявки по иллюстрациям. Не более того.

– Евгений Иванович ловко использовал моё недовольство в своих целях. Ему не по душе, что их компашке так и не удалось заполучить меня в свои сети. Вот и пытаются добиться цели не мытьём, так катаньем. Наша ссора как раз то, что им требуется. Отсюда и пустили по редакции дезу. Неужели непонятно?

– В общем-то, похоже на правду, – поразмыслив, остыл Кисляков. – Да есть ли предел человеческой подлости? Зачем, спрашивается в задачнике, мутить в коллективе воду? Или рыбки половить хочется?

Он с возмущением хлопнул себя по бёдрам и пообещал грозно:

– Ничего, мы ещё поборемся. Мы ещё сделаем журнал читабельным!

Поссорить меня с редакторами отделов «доброжелателям» не удалось. Однако стало ясно, что охота на лис объявлена.

Противостоящая группировка на время затаилась и стала плести новые интриги.

Не зря говорят: пришла беда – отворяй ворота. Не минуло и пол – года, как горькое известие снова заглянуло в наш дом. В первый день Пасхи на моё имя пришла телеграмма о кончине матери. И хотя я всё ещё находился «под колпаком», Миронов не препятствовал моему отъезду на похороны. Перед смертью все равны.

Взяв пятидневный отпуск по семейным обстоятельствам и забрав у Редькина «Лейку», я кинулся на аэровокзал к Владимиру Михайловичу Басову. Знал, что у начальника всегда имела броня для оперативников КГБ, государственных персон и влиятельных людей. В крайнем случае, он мог устроить бывшего лётчика в пилотскую кабину на откидное сиденье. Неудобства меня никогда не смущали.

В тот же вечер я был в родительском доме, утешал, как мог, отца и принимал соболезнования от многочисленных родственников, друзей и подруг усопшей, планируя свои действия на завтра. Отец находился в глубоком стрессе, бил себя ладонью по лбу и всё повторял, что виноват в смерти жены. Я налил ему стакан коньяку, мы выпили, и он через несколько минут расслабился:

– Как я её ни уговаривал, а настояла – таки на поездку в места нашей юности. Да ты ведь знаешь о её непреклонном характере. Сердцем чуял беду, а сдался под её напором!

Приехали в Котово, отыскивали немногих друзей своей юности, пообщались, а потом перебрались в Серино.

Вот там – то всё и произошло. Сначала – то путём было. Нашли общих знакомых, как полагается, выпили за встречу, на улицу вышли, песняка задали. А потом Настёна дом своей подруги угадала. По высокому крыльцу. И разволновалась. «Давай, – говорит, – навестим. Может, кто живой остался». Только на крыльцо шагнули, только она занесла ногу на вторую ступеньку, – здесь её назад и потащило. Не успел поддержать, она и грохнулась со всего маха затылком! Скорую бы помощь надо, да где там. В деревне даже фельдшера нет. Только через час санитарка из района приехала. Врач осмотрела, рекомендовала госпитализацию, а хирурга в Котово нету. Пришлось нанимать автобус и везти жену в Волгоград. Ну, её по дороге и растрясло. Сам знаешь, какие у нас дороги, мать их итти!

Отец с досадой поковырял вилкой в квашеной капусте:

– А тут новая беда. Привезли Настёнку в областную больницу ночью, – дежурного хирурга не оказалось на месте. Только утром сделали операцию, да неудачно. Померла жена под ножом, не приходя в сознание. От инсульта померла. Теперь вот в морге замерзает... Эх, давай добьём Колчака, – плеснул он остатки из поллитровки в свой стакан, произнося отрешённо любимую фразу. – Пойдём ночь пополам делить.

Я долго лежал без сна, планируя свои действия наутро. Ни сестра Мария из Челябинска, ни брат Юрий из Марково пока не прибыли. Приходилось рассчитывать на свои силы. И я вдруг подумал, что без помощи Ивлева мне не обойтись. Только он в состоянии обеспечить похоронной командой, оркестром и транспортом. И дело не в том, что родственники с захоронением усопшей не справятся. Мне хотелось отдать матери последние военные почести. Разве не она, сердешная, вынесла на своих плечах тяжкий труд кровавой войны и уберегла от гибели троих детей? Не она ли отчаянно сражалась, перебиваясь с хлеба на квас, за их достойное воспитание? Не она ли родила и подарила сына для армии? Это самое главное.

Ивлев, слава Богу, оказался на месте. С первых слов он вник в суть моей проблемы и, не теряя времени, отвёл к начальнику политотдела училища. Без его благословения такие вещи не делались.

– Читал, читал, – пожимая мою руку, с одобрением отозвался он на прошлогоднюю публикацию в журнале о Каче. – Снова к нам? Какие проблемы?

Говорить о ритуалах – скорбно и грустно. И я, поблагодарив за высокую оценку моих прошлых скромных заслуг, коротко изложил цель своего визита.

– Как ни банально звучит, но прими, подполковник, мои соболезнования, – склонил пепельную голову НАЧПО, и тут же вызвал по телефону нужного подчинённого.

Прапорщик уже в годах, выслушав поставленную задачу, понимающе кивнул и, обратившись ко мне, уточнил, что, где и когда он должен выполнить.

– Не смею более задерживать, – подвёл итоги переговоров хозяин кабинета. – Знаю, что у вас хлопот – полон рот.

К вечеру на похороны собрались дальние родственники, а наутро прибыли военные, и я на одном из выделенных автобусов приехал в морг за телом матери.

– Смотрите, – совершенно нейтральным голосом сказал патологоанатом, откидывая с лица усопшей простыню, – ваша?

Я смотрел на безжизненно – желтоватое, застывшее лицо женщины и не узнавал. По моему растерянному виду служитель строгого заведения понял мои сомнения и ещё раз предложил:

– Смотрите лучше...

И здесь я заметил на левом виске небольшой шрам, отметину от операции, перенесённой матерью несколько лет тому назад. Несомненно, это была она. Но какой не похожей от жизни! Я похоронил не один десяток друзей и товарищей по оружию, и только теперь заметил, что у смерти есть свои, таинственные краски.

Не буду описывать о соблюдении ритуала, похожего на дипломатический протокол, из которого ничего не выкинешь и не прибавишь. Был и почётный караул, и море слёз, и военный оркестр, сопровождающий прискорбной музыкой тело мамы в процессии от крыльца до конца улицы, где она прожила последние двадцать лет. Были и скупые, от сердца идущие, речи, и венки и цветы, которые она так обожала. И последняя горсть земли, брошенная в её могилу на Алюминиевом кладбище. И, конечно, поминки, на которых её товарки, выпивая за упокой, вслух удивлялись:

– Надо же, как сподобилась – на самую Пасху! Господь Бог, говорят, в этот праздник забирает к себе угодных.

На следующий день все разъехались, оставив горевать отца в опустевшей квартире.

– Ты уж постарайся, братец, вышли фотографии, как сделаешь, – просила и волновалась Маня.

– Нет проблем, – заверил я родных. – Как только, так сразу.

– Вот умру, – пожелала как – то мать, – поставьте мне, дети, памятник до самого неба.

Через год после её погребения я выполнил её пожелание. До неба построить не удалось, но не было в этом молчаливом, перенаселённом городе стелы, выше маминой.

С фотографиями вышел конфуз. Когда я возвратился в Москву и отдал цветную плёнку на проявление, оказалось, что из тридцати шести слайдов получился один, снятый на одну тридцатую выдержки. Корифеи фотодела объяснили, что такое в «Лейке» могло произойти только при отсутствии питания. Когда я об этом сказал Редькину, мой подчинённый с ухмылкой сказал:

– К – камера – то редакционная, а б – батарейки были мои.

– Да – а, – только и выдохнул я, наповал сражённый откровенной наглостью подчинённого. И не стесняясь присутствия дамы, закончил:

– Ты редкая сука, Редькин! Из таких, как ты, во время войны и выходили предатели и полицаи. Пиши – ка заявление об увольнении по собственному желанию.

– И напишу! – пообещал Редькин. – Мне не с руки работать в подчинении у дилетанта.

Но прежде, как уйти, мстительный заика успел подложить для меня ещё одну свинью. Каким – то образом он прознал, что хоронить мать мне помогали военнослужащие из Качи, и подкинул Светлицыну идею об использовании мной служебного положения в личных целях. Но даже у моих откровенных оппонентов хватило ума и такта не ворошить эту проблему и приберечь информацию на потом. До генерального сражения. В том, что оно назревало, теперь, после случая с плёнкой, вычислялось легко.

Работать без фотокорреспондента в иллюстрированном цветном журнале чрезвычайно сложно. Тем более мне, любителю в художественной съёмке.

В связи с обстоятельствами, я стал активнее сотрудничать с начальниками отделов оформления других печатных издательств. Как правило, они охотно шли навстречу не только номинальному коллеге, но и возможностью получить определённый гонорар.

Уходя, Редькин злобно предвещал скорый конец моей карьеры. Но парень ошибался. К этому времени у меня уже сложились деловые отношения с заведующим отделом оформления «Советского воина» Акутовым Леонидом Евсеевичем – непревзойдённым мастером войсковых батальи и художественного изыска, Игорем Мурашовым, Толей Стасовым и Юдиным из «Советской милиции», Славой Тимофеевым из «Крыльев Родины», – всех и не перечислишь. Ребята все именитые, входящие в элиту советской фотохроники, они, выезжая в поле, не жалели плёнки и всегда имели в «загашнике» негативы и слайды на любую тему. Кроме того, у каждого из них было преимущество в техническом вооружении, позволяющим использовать свои возможности в широком диапазоне. У Якутова был даже объектив «бычий глаз», с помощью которого он делал необычные панорамные снимки.

Естественно, я был не так глуп, чтобы считать предложенные мне фотографии единственными и неповторимыми в своём роде. Самые лучшие публиковались в изданиях, на которые журналисты работали. Но и то, что предлагалось, помогало мне на первых порах удержаться на плаву. Кроме того, я использовал в практике фото наших сотрудников. Славы Горькова из отдела космонавтики, Жилина и Долгова – из боевой подготовки и даже Светлицына. По большому счёту снимки не выдерживали критики, но если ты хочешь иметь сторонников, почему бы не поощрить ребят и дать возможность заработать несколько монет на карманные расходы?

Александр Михайлович Джус, высокий, как каланча парень без комплексов, в поле моего внимания попал давно. Мне он нравился простотой общения, профессиональными знаниями фотоаппаратуры и технологий изготовления её производных. Он долгое время служил издательству «Плакат» на правах штатного корреспондента, подвизался в других печатных органах и мечтал о самостоятельной работе. В редакции, где он появлялся с завидным постоянством и отснятым на авиационную тему материалом, его любили за общительность и простоту и считали почти своим сослуживцем. И когда встал вопрос о замещении вакантной должности, ни у кого не вызывало сомнения, что лучшей кандидатуры, чем Джус, не найдёшь. Тем более, что он, единственный на наше время фотограф, кто имел допуск к полётам на всех типах летательных аппаратов в составе экипажа. Случай в Военно – Воздушных Силах беспрецедентный

и удивительный. Прежде, чем его получить, парень прошёл лётную углублённую медицинскую комиссию, и пришлось немало походить по кабинетам, доказывая, что близорукость – не умаляет его профессиональной ориентации, и что его работа в небе, снимки, выполненные в воздухе, нужны не только сегодняшнему, но и будущим поколениям. С ним охотно соглашались, но никто не хотел брать на себя ответственность и разрешить гражданскому лицу летать на учебно-боевых самолётах, подвергая риску.

С виду наивный, но головастый Джус сообразил, что проблему его может решить только высокое начальство. И будучи по характеру настырным и пробивным, ему удалась аудиенция с Главкомом. О чём они говорили, никто не знает. Но документ, разрешающий вписывать свою фамилию в полётные листы многоместных экипажей, он отхлопотал.

Если вопрос о Джусе решился положительно, то с художником – дизайнером пришлось повозиться. Не прошло и месяца с уходом Редькина, как Анна Михайловна положила передо мной заявление об увольнении. На мои потуги выяснить причину её крутого решения она стеснительно улыбалась и плела что – то о сложном семейном положении. Однако я понимал, откуда дует ветер, и недоумевал, как эта миловидная женщина могла так крепко подпасть под влияние нашего заики. Не иначе влюбилась, а может, и пожалела пацана за его речевой недостаток. Русские женщины, они жалостливые, а любовь и жалость ходят в одной упряжке. Впрочем, я мог и ошибаться.

Никакие уговоры и предложения о сокращении рабочего времени ни к чему не привели. Женщина твёрдо решила уйти из редакции.

И я не на шутку запаниковал. Подменить её я не мог. Знаний, полученных заочно на факультете журналистики, явно не хватало. Кроме общих сведений, в макетировании и технологии полиграфической печати я ничего не соображал. Откровенно говоря, с трудом мог отличить петит от боргеса, а самый мелкий шрифт бриллиант запомнил только по его красивому названию. Никаких программ и правил вёрстки, никаких знаний принципов создания макетов и подготовки материалов для них, ни об использовании декоративных элементов оформления текста на практике я не знал. А в создании обложки журнала чувствовал себя вообще полным невежественным идиотом. Крепко же и жёстко ты меня подставила, Анна Михайловна! А ведь я тебя так уважал! Вот к чему приводят игры с подчинёнными в демократию.

Мы договорились, что она отработает положенные по закону две недели и попробует найти себе замену. Я не сомневался, что среди её знакомых есть люди её профессии, заинтересованные в работе в журнале. Однако я ни на йоту не сомневался, что и на этот раз она палец о палец не ударит, чтобы оказать мне какую – то помощь. В поисках нужного мне работника я положился на себя и на свои связи.

– Зачем тебе ломать голову? Позвони Домахиной. Она мигом предложит не только техреда, но и весь штат редколлегии, – посочувствовал мне Кисляков.

Домахину я знал. В прошлом году на время отпуска Анны Лидия Петровна удачно исполняла её обязанности. Да так славно, что мне захотелось её поощрить.

Пожалуй, я так бы и поступил. Но вмешался Джус. Он уже работал в редакции и укатил в Прибалтику. Мы давно не печатали снимков из этого региона.

Во вторник он как бес ворвался в отдел, наговорил кучу комплиментов Анне, выложил передо мной с десятков отснятых катушек и кипу фотографий, и с удовольствием констатировал, что давненько не отводил душу по полной. И налетался всласть, и информации – море и в сауне успел попариться.

– А уж какой песочек на Балтике – закачаешься! Зернистый, отборный и чистый, как сахар! В следующий раз поедем вместе, командир. Не пожалеете. И Анюту с собой возьмём. Хватит ей устранять зазоры между стулом и попкой.

От удовольствия Анна Михайловна зарделась, а я ввернул фразу:

– С Анной не получится. Решила уйти по личным соображениям.

– Ну, – развёл в стороны длинные руки Джус, – это никуда не годится. Что, приспичило?
– Приспичило, – согласилась Анна. – Решение окончательное и обжалованию не подлежит.

– Ещё чего, – фыркнул, задетый за живое, Алекс. – Я тебе не прокурор. Жаль, что не пришлось поработать вместе. Ты мне понравилась. А для тебя, шеф, у меня припасено потрясное предложение: знаю талантливую девочку, которая бредит работать в журнале.

– И чего же ты медлишь? Звони, пока не остыло.

Александр немедленно набрал номер телефона, выисканный в записной книжке, дождался отзыва и спросил:

– Таня, ты почему не вышла на работу? Как это на какую? В журнал «Авиация и Космонавтика». Сколько можно ждать? Шеф волнуется, я – в растерянности, а ты, наверное, кофе глотаешь? «Кокур»? Тоже неплохо. Адрес знаешь? Значит, шпарь к нам.

– Всё, шеф, едет. Если я ошибся в подборе кадров, – увольняй меня с места работы!

Динамика наших отношений была настолько неординарной, что я не удержался от смеха:

– Так таки и уволить...

Не хочу лукавить. За давностью лет этот эпизод выглядел, может быть, и по – другому, но смысл его сохранён.

Через два часа протеже Александра появилась на нашем горизонте. Как и Джус, она заметно превосходила меня в росте, достаточно широка в плечах и совсем не дурнушка.

– Привет! – мило улыбнулась женщина всей компании, демонстрируя в улыбке ряд безупречно белых зубов, и протянула длинную руку Джусу. – Как поживаешь, старый бродяга?

– Твоими молитвами, дорогая. И забочусь о твоей карьере.

И уже ко мне:

– Разрешите представить, товарищ подполковник – Татьяна Ивановна Павлова, художественный редактор газет и журналов столицы, мастер импровизации по части макетирования.

Нас оставили вдвоём, я задал несколько рабочих вопросов, поинтересовался семейным положением и пропиской и сделал вывод, что человек нам подходит. Однако я понимал, что без поддержки ответственного секретаря кандидатура может не пройти: в найме на работу Миронов был чрезвычайно щепетилён.

Владимир Иванович, когда я ему доложил о беседе с новенькой, переспросил:

– Татьяна? Из «Крылышек»? Так я её знаю. Вполне деловая женщина. Я – за!

Что меня больше всего поражало в Обухове, – так это владение информацией. В любой момент он знал обо всех и обо всём. Ну, допустим, о журналистах и свежих новостях в столичной печати – понять ещё можно. Как – никак, а секретарь всю жизнь проработал в прессе. Но откуда ему известны закулисные интриги Пугачёвой?

Главный редактор мнением Обухова дорожил, и на следующий день Павлову приняли на работу. Но с испытательным сроком на три месяца.

Татьяна организовала свою «прописку» в отделе, принесла бутылку шампанского с марципанами, которые мы после трудового дня немедленно прикончили.

– Что ж, – поднял стакан и подытожил символическое торжество Владимир Иванович, глядя заблестевшими зрачками на нашу троицу снизу вверх, – вон вы какие высокие! Стало быть, будет с вас и высокий спрос!

...– «Завет»? – запросил я оператора внутренней связи Главного штаба ВВС. – Дайте, пожалуйста, «Логика»... «Логика»? Будьте добры, – «Редакцию».

Так уж совпало, что позывным военного аэродрома транспортной авиации, где начал свою офицерскую службу мой сын, определили кодовым словом «Редакция».

– «Редакция»? Журнал «Авиация и Космонавтика», – представился я. – Прошу соединить с лейтенантом..., – назвал я фамилию сына.

На другом конце провода произошла заминка. Понятно, почему. Солдат – телефонист очевидно впервые столкнулся с представителем прессы и в растерянности спешно консультировался с начальством. Я терпеливо ждал. Связь с периферией, как всегда, была никудышной, но сквозь шум и треск прорвался ответ, что лейтенант на стоянке. Другого я и не ожидал. Где, как не на аэродроме искать техника самолёта «Ан – 12» – го?

– Передайте, пусть во время обеда не уходит из столовой. Я перезвоню.

На встречный вызов я не рассчитывал. Офицерскому составу из провинциальных частей связаться с центром практически было невозможно.

Через три часа я разговаривал с Сергеем. Как всегда, он коротко сообщил о своих делах, а в конце доклада ошарашил неожиданным сообщением:

– Решил жениться, отец. Невеста – прелесть! Лучшей не хочу. Да ты её знаешь. Я тебя знакомил во время твоего наезда в Иваново. В июле – свадьба. Приглашаю.

От неожиданности я чуть трубку не проглотил. Действительно, два месяца тому я ездил в командировку к вертолётчикам в Тейково, а потом заглянул к сыну, где впервые увидел Людмилу – его подружку. Внешне девушка была хороша, стройна и задорна, но в моём понимании не очень скромна. Много смеялась в кафе, где мы решили поужинать, острила и совершенно не стеснялась будущего свёкра. Мне она показалась излишне развязной, и, улучшив минутку, когда сын отошёл к стойке, я напрямик шепнул ей, что не одобряю её выбора:

– Тебе бы, дорогая девушка, капитана в мужья.

– А где его найдёшь, капитана? – недовольно сверкнула она антрацитовыми глазами. – Капитаны и майоры на дороге не валяются.

Инстинктивный страх перед родителем возлюбленного она тщательно пыталась скрыть под своей наносной бравадой.

Всё это я припомнил, лихорадочно соображая, как отреагировать на предложение наследника.

– Что ж, – спокойно ответил я. – С горы виднее. Поступай, как знаешь. Но учти, я сторонник одноразовых браков.

– Я тоже, – твёрдо поддержал мою позицию Серёжа. – О времени свадьбы известим приглашением.

В моменты наплыва депрессии я иногда с горечью осуждаю себя за слабохарактерность в принятии ответственных решений. Почему мы предпочитаем спокойно плыть по течению, вместо того, чтобы активно вмешиваться в судьбу? Что мешает родителям откровенно высказать своё мнение по поводу предстоящего брака детей с точки зрения прожитой жизни? Боязнь навредить? Не испортить бочку мёда ложкой дёгтя? Не разрушить чистую, искреннюю любовь?

Наверное, так. Перебори я эту свою двусмысленность, вмешайся в ситуацию, разрушь отношения молодых, – и, возможно, не случилось бы той страшной трагедии, которая ждала меня впереди...

По вполне понятным причинам ехать на свадьбу пасынка Лада отказалась. Детей с собой не возьмёшь, а оставлять Андрея под присмотром Леночки было тревожно.

– Лучше мы съездим в Тулу, на дачу родителей, – предложила она свою альтернативу.

На том и порешили. Но меня не покидала мысль, что причина её отказа заключается не в детях, а в интуитивном отвержении возможности встречи с моей первой женой.

Откровенно говоря, не ожидал, что на самый торжественный день молодожёнов придёт столько народа. И двух лет не прошло, а сын приобрёл целую кучу друзей и приятелей. И Людмила назвала хоровод из девчат, численностью не меньше, чем у знаменитой «Берёзки».

В свадьбе участвовали и всё взрослое население двухэтажного престарелого дома, окружённого тесной стаей сараев и бытовых построек.

Гостей собралось человек сорок, но они ещё подходили, и Евгения Александровна, мать невесты, принаряженная женщина с модной причёской и в меру насурьмленными бровями, по

– хозяйски хлопотала то на кухне, то в зале, то встречая прибывающих. Мужа у неё не было, и она, в одном лице и жнец, и швец и на дуде игрец, разрывалась на части. Не будь на подхвате соседок – хоть караул кричи.

Почти одногодки, мы быстро нашли общий язык и взаимопонимание.

Двор, запруженный народом, гудел и дымил сигаретами. По-праздничному ярко светило солнце, блестели промытые ночным дождём изумрудные листья на деревьях и кустарнике, ругаясь, чирикали воробьи в ветвях, создавая настрой на предстоящее веселье. Все с нетерпением ждали кортеж из Загса.

Форменная одежда меня не стесняла. Наоборот, я чувствовал себя тем самым «генералом», без которого не происходит никакая свадьба. Не важно, что не вышел чином, зато – военный.

Томимые ожиданием, мужики нещадно смолили, лениво обменивались армейскими новостями и травили анекдоты. Авиаторы, как известно, без юмора обходиться не могут.

– Едут! Едут! – с энтузиазмом известили нас вездесущие ребяташки. И подтверждая их слова, за углом дома вдруг раздалось длинное трио автомобильных сирен. Во двор вальяжно вкатилась разряженная шёлковыми лентами головная машина, над крышей которой в вечном переплетении блестели золотом обручальные кольца.

Из «Волги» выскочил дружка, перепоясанный красной лентой через плечо, открыл заднюю дверь и выпустил на свободу жениха и невесту. Они сияли первозданной чистотой, аплодисменты и выкрики «ура» встретили в растерянности, и глупо и щедро улыбались всему свету. Сын, «как денди лондонский одет», и новенькая, только что с печки, вся в кипенно – белых кружевах жена важно и чинно направились к подъезду, где мы с Евгенией плечом к плечу стояли, встречая детей хлебом – солью.

В двух шагах от нас они остановились, звуки смолкли, птички, словно понимая торжественность минуты, притихли, и в наступившей тишине отчётливо слышалось сухое щёлканье фотокамер и стрекотание кинокамеры, фиксирующих для потомков момент зарождения новой семьи.

Евгения держала на вытянутых, дрожащих от волнения, руках «хлеб – соль» и заворожено молчала. Я незаметно подтолкнул её локтем, и сватья проснулась:

– Дорогие детки! Поздравляем вас с законным браком!

– Урр – а – а! – словно по команде дружно заорали вплотную стоящие гости.

– Примите, – протянула она подношение, – как символ родительского благословения, плодородия и долгой и счастливой жизни! – звонко закончила складную речь тёща моего сына, передала хлеб с солонкой Серёже и поклонилась в пояс. Я уже забыл, как это делается, но тоже последовал её примеру.

Детки ухватились за каравай и вонзили в него острые зубы.

– Урр – а – а! – завизжали в восторге девчонки. – Невеста больше кусок отхватила! Быть ей хозяйкой в доме!

По лицу сына скользнула только мне знакомая тень недовольства.

– Правильно, девчонки! Пусть будет хорошей хозяйкой! – громко поддержал я Людиных подруг, смеясь и целуя Сергея. А на ухо тихо шепнул:

– Главное, кто в доме командует парадом.

Сергей понимающе улыбнулся, легко подхватил жену на руки и под громкие рукоплескания, поощрительные выкрики понёс в квартиру. Людмила доверчиво прилипла к широкой груди мужа и поцеловала, крепко обхватив длинными руками его могучую шею. Вслед за ними, как в почётном эскорте, шли приглашённые. Матери Сергея среди них не было. Не знаю, что ей помешало прибыть на торжество. Возможно, болезнь. Или определённые трудности с деньгами. Или просто опаздывает. Я спросил об этом у сына, но и он ничего не знал. По телефону приехать обещала.

Меня лично это вполне устраивало. Несмотря на время, раны, нанесённые мне моей первой любовью самым коварным и бессовестным образом, нет – нет, да и напоминали. Поэтому, как бы критически я не относился к преданьям старины глубокой, появление на горизонте Светланы было бы равносильно соли на них.

По большому счёту, в тайне от других, спрятавшись под толстым одеялом, я шепотом могу, но только себе, признаться, что уже давно стал беззастенчивым лицемером. С лёгкостью прощая свои недостатки, я с негодованием осуждаю их у других.

С точки зрения сегодняшней морали измена куда как безнравственна. Но правильно ли поступаем мы, подавляя в себе природные инстинкты? Не приведёт ли это в конечном счёте к их акселерации? Я с тревогой думаю о далёком будущем, обещающем воплощение в жизнь теории разумной достаточности. Представить себе не могу, как влюблённые на пике страсти хладнокровно отказываются от сексуальных наслаждений. Если это случится, тогда конец эмоциям, без которых невозможны интимные отношения между полами. В самом деле, зачем природе пестики и тычинки, если жизнь появляется в пробирках? Оплодотворил яйцеклетку, поместил её в инкубатор, – и всё. Будущее человечества в безопасности.

Не буду возражать, если вдруг назовут кретином за мои измышления. Бестолочь, её никакими приправами не перебьёшь. Только я глубоко уверен, что в таинстве деторождения принимает участие не только сперма, но и аура, и то самое энергетическое поле, окружающее возлюбленных, при которых хромосомы пробивают себе дорогу в будущее. Без этого зачатая жизнь будет похожа на суррогат. Нельзя из тщательно отфильтрованного природой набора компонентов любви выбрасывать даже пустяковый фрагмент. Иначе пострадает гармония. Из песни слов не выкинешь.

Несмотря на трудности населения с питанием, свадебный стол ломился от закусок и напитков. Евгения Александровна, работающая в авиационной лаборатории, имела прямой доступ к спирту, который раскрывал широкие возможности по обмену продуктами первой необходимости. Нет, она не была злостным расхитителем социалистической собственности, беспощадная борьба с которыми заметно усилилась. Умная женщина, она знала меру своих возможностей и никогда не переступала рубеж, за которым светился Уголовный кодекс. Кроме того, тёплое местечко обеспечивало ей широкий круг знакомств с нужными людьми, работающими в сфере торговли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.